

ИСКРКА

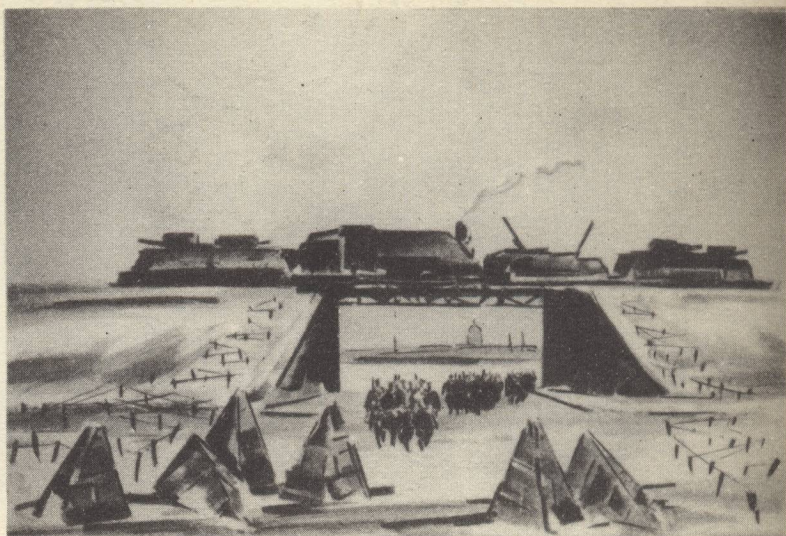

2 ФЕВРАЛЬ
1985

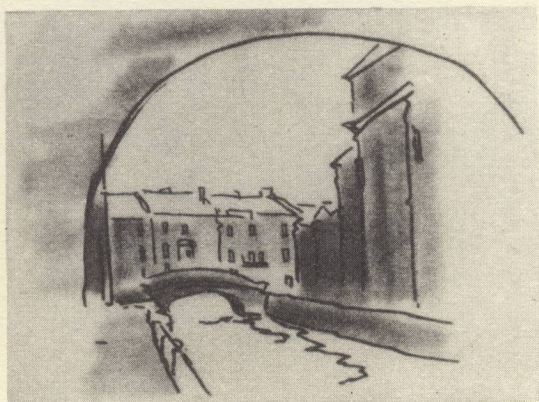

*„...Нет
красивее
Ленинграда
никогда!“*

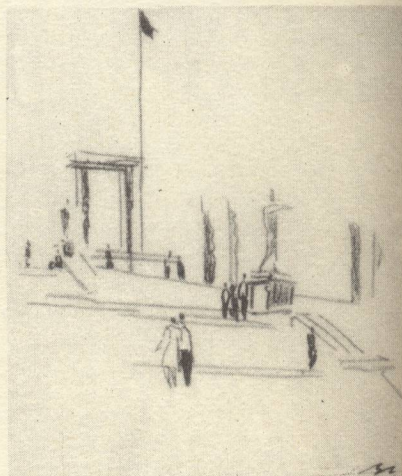
*В.М. Суданов.
Ленинград.
Рисунки и
литография.*

1941г.

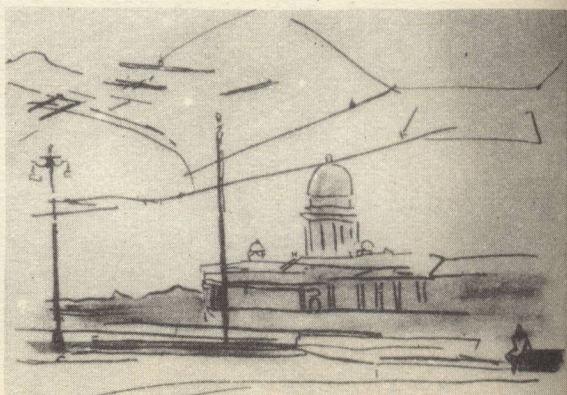
1969г.

1975г.

1969г.

1983г.

ИСКОРКА

2 ФЕВРАЛЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
Ленинские
искры;
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Георгий НИКУЛИН

ВЕТКА У ПАМЯТНИКА

Началось это ещё тогда, когда Вера и читать-то не умела, а знала только две буквы — «М» и «А». Только две буквы, а начнёт их складывать — и получается самое дорогое — «М-А-А-МА, МАМА»!

А потом Вера узнала другие буквы и составила: «ПА-ПА, ПАПА»! и совсем не простое слово — «Д-Е-Д-У-Ш-К-А».

Когда Вера была маленькой, они с дедушкой каждый день гуляли. Сначала шли по своей улице, потом заходили в парк и шли по длинной аллее, а там — до самого моря, к памятнику на братской могиле.

Потом отдыхали на скамье и смотрели на памятник.

Какая высоченная гранитная скала! Из камня выступают фигуры солдат и матросов; и солдаты и матросы такие сильные и большие, что дедушка им — только до пояса, а сама Вера так и до коленок им не доросла. Ей по росту лишь каменные плиты с буквами, вокруг монумента. В их полированном граните, как в зеркале, отражались Вера и весь сегодняшний мир — всё, что видно вокруг.

Однажды пришли к памятнику школьники. Привёл их вожатый — паренёк постарше. Они возложили букетики цветов.

— Минута молчания! — сказал вожатый. Все постояли молча. — А теперь можно собирать камешки, — произнёс паренёк, и ребята побежали к морю, а их руководитель — впереди других.

— Дедушка, а почему у тебя слёзы? Давай споем твою любимую. И они запели:

*Шёл солдат, преград не зная,
Иногда, бывало,
Шёл и без привала...*

— Дедушка, а «без привала» — что значит?

— Без отдыха, значит, шёл.

— Дедушка, а я положу к памятнику два камешка. Самых-самых красивых. Можно?

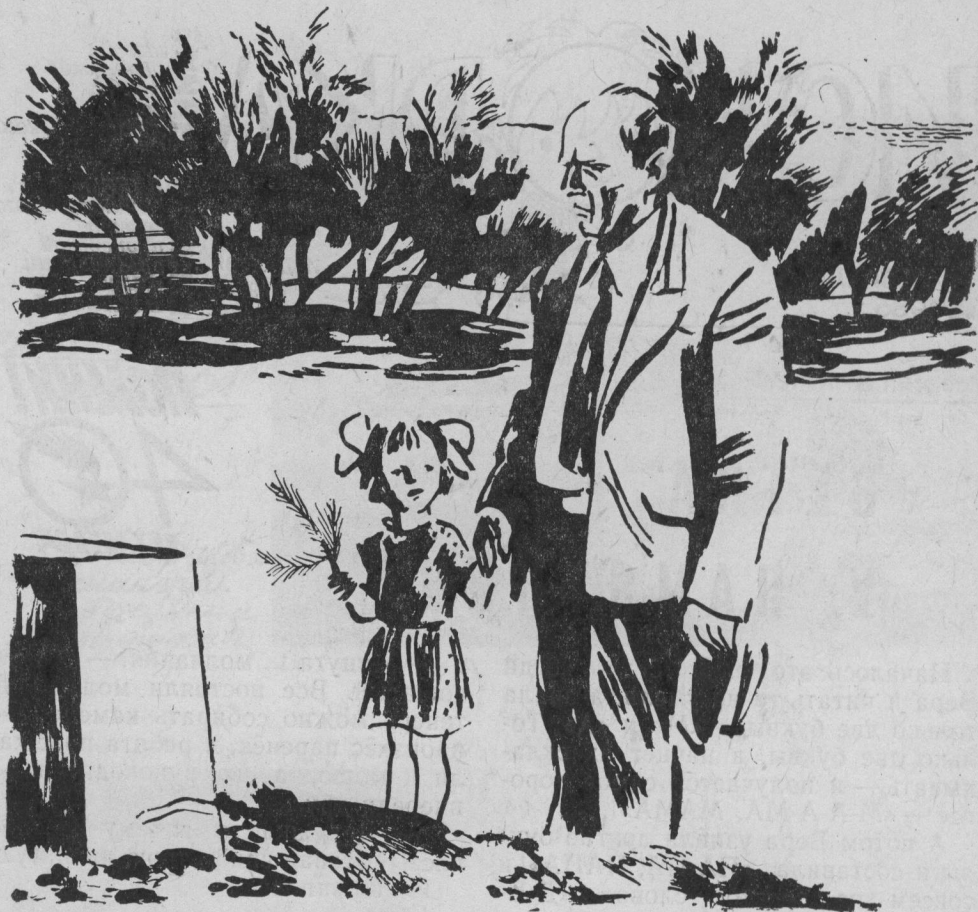
— Можно.

— А я ещё ветку положу. Она — зелёная. Её ветром от сосны отломило.

— И ветку можно.

С тех пор Верина ветка, два камешка и одна ракушка стали лежать у памятника.

Однажды день выдался солнечный, но холодный. Лёг на землю первый снежок, но был он «сквозной», как тюлевая занавеска: лежит снежок и не мешает видеть травинки, которые сквозь «тюль» просвечивают. И море осталось голубым,

а струйки воды в речке — прозрачные и звонкие, каждая струйка трогает тоненькие пластинки льда, и пластинки нежно звенят.

Смелá Вера рукавичкой снег с плиты, сверкнули золотом буквы, выбитые в камне навечно. И вдруг сложились буквы в слоги, и получилось: «Р-А-БОТ-НИ-КОВ...»

— Дедушка, так это же твоя фамилия! И я — тоже Работникова Вера.

— Фамилия-то наша, но тут другой Работников, — объяснил дед.

— Разве не только мы — Работниковы? Я других не встречала...

— Нет, фамилия эта не нам одним дана. Вот видишь — и ещё Работников. И фамилия у нас с ним одна, и дела общие — солдатские.

— А почему солдат — Работников? Солдат должен быть Солдатовым. Фамилия у солдата должна быть военная.

— Работников — самая военная фамилия: все мы на войне работали. Война, брат, самый тяжёлый труд.

Отпраздновали Новый год. Замела настоящая зима. Снегом заносило нижние уступы памятника, но на разметённой площадочке отполированного гранита, как ни приди, лежала свежая ветка. Среди белого снега — зелёная хвоя с серебряными нитками новогодних украшений.

— Пусть у всех будет Новый год, — говорила Вера дедушке.

А потом дедушка заболел, и Вера не была у памятника целых два года. За это время она выросла, стала ходить в школу и пришла к памятнику вместе с пионерами в День Победы.

Как тут всё изменилось! Идёт к памятнику большая дорога, по бокам её зелёные газоны с гранитными поребриками — они широкие,

чуть приподнятые над дорожкой. Поставлены гранитные кубы с каменными венками, и наверху лежат живые цветы. А у самого памятника — цветов целое поле, сплошной ковер белых цветов, и среди них, как кровь на снегу, пятна красных цветов.

Развернули пионеры знамёна, построились цепочкой; за ними встал оркестр с медными трубами и огромным барабаном; пришли офицеры в парадной форме; пришли бойцы с винтовками — они встали немного поодаль, чтобы не сильно оглушить выстрелами салюта; почётный караул выстроился по обеим сторонам центральной аллеи, по ней к подножию памятника понесут венки и цветы.

Начался митинг. И Вера услышала, что здесь, на этом самом месте, кипели бои с врагом, а теперь стоят высотные дома и разбиты парки; что

тут лежат герои, которые отдали жизни свои ради ПОБЕДЫ, ради теперешнего нашего благополучия. «Так будем же верны их памяти, — говорили ораторы, — и будем вечно им благодарны».

Снова играл оркестр. Пионеры застыли в салюте рядом с приспущенными знамёнами. Солдаты из винтовок дали три залпа.

А потом к памятнику несли венки и долго шли люди, и каждый оставлял принесённые с собой цветы. Цветов было столько, что класть их стало некуда.

И девочка Вера пошла после всех и положила свою ветку. Положила с краю, не на гранитный поребрик, где уж и свободного местечка не было, а прямо на песок.

Их фамилия есть на граните, пусть однофамильная фамилия, пусть дедушки тут нет, но ведь он воевал вместе с ними.

Рис. Ю. Шабанова

**«...Нет
красивее
Ленинграда
никогда!»**

«...Я УЧИЛСЯ У ВСЕХ И ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ...»

(К рисункам на 2-й странице обложки)

Наверное, самое главное в жизни человека — это угадать своё предназначение, а угадав — идти по найденному пути, не сворачивая. Это в полной мере удалось художнику Владимиру Михайловичу Судакову. С детских лет полюбил рисование и нашу прекрасную северную природу. Судьба не баловала его. Хотя в восемнадцать лет он и поступил в Ленинграде на рабфак при Академии художеств, но через несколько месяцев обстоятельства заставили его бросить учёбу. Нужно было идти работать — и он поступил подсобным рабочим сначала в художественные мастерские, а потом — в Русский музей. Но именно здесь он и получил настоящее художественное воспитание. «Я учился у всех и при любых обстоятельствах, — вспоминает Владимир Михайлович, — и прислушиваясь к спорам художников, и рассматривая только что развешенные мною картины». Случалось ему бывать и в мастерских — художники с интересом беседовали с пытливым молодым человеком. С особенной теплотой вспоминает Владимир Михайлович свои встречи с неповторимым пейзажистом А. А. Рыловым. И хотя будут потом годы учёбы в студиях, в классах и в училище, эти «университеты» будут самыми важными в его формировании.

С первых дней Великой Отечественной войны Владимир Михайлович Судаков — в рядах Советской Армии. Он — солдат ПВО блокадного Ленинграда все 900 героических дней. В эти годы пришло понимание города, в котором он жил и воевал.

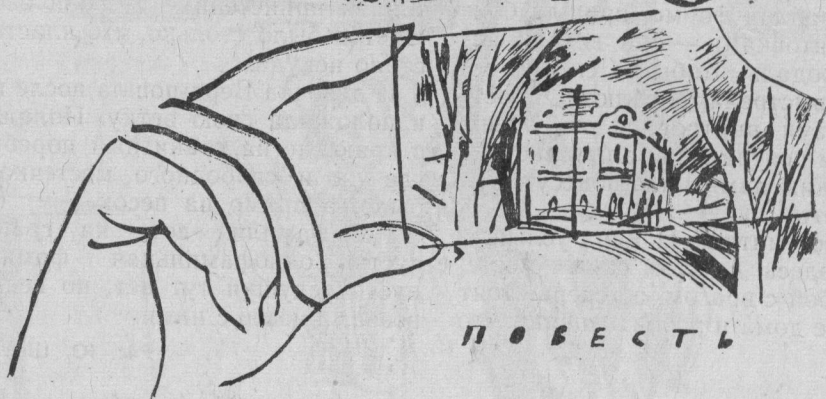
К блокадным дням он будет возвращаться в своих рисунках постоянно. Но самое главное у Судакова — это Ленинград сегодняшний. Может быть, и вам случалось видеть Владимира Михайловича за работой! Он ходит по городу всегда с карандашом и блокнотом и постоянно рисует, как он говорит, делает наброски.

Несколько ленинградских зарисовок В. М. Судакова мы поместили на 2-й странице обложки. Посмотрите на них внимательно, полюбуйтесь нашим городом ещё раз. В рисунках художника — никаких внешних эффектов, ничего нарочитого, каждый штрих, линия, пятно — необходимы. Создаётся впечатление, что они сделаны несколькими взмахами руки. Художник уловил мгновение в жизни города и остановил его на бумаге.

А ещё мы поместили литографию. Ленинград в 1941 году: бронепоезд, надолбы на улицах города и бойцы, уходящие на передовую — защищать Ленинград, его красоту.

Николай
Внуков

ГОЛУБОЕ СТЕКЛО

П О В Е С Т Ь

Я не чувствовал своего тела. Было прекрасное ощущение полёта, свежести мира, молодости и силы. И радости, что Бетал помнит меня и только что разговаривал со мною.

День горел над городом в полную свою силу.

Возвращались с базара покупатели, нагружённые бронзовыми связками лука, восковыми початками кукурузы, банками со сметаной, круглыми лепёшками масла.

Мне очень не хотелось идти домой, да меня там и не ждал никто — и тетушка, и дядя Миша были ещё на работе. А я всегда любил просто так, один, бродить по городу.

Я любил его неровно вымощенные камнем улицы. Старые одноэтажные дома под черепичными крышами, позеленевшими от времени. Ограды вокруг садов, сложенные из дикого камня и побелённые снаружи. Зелёные ворота в оградах, всег-

да закрытые, с тяжёлыми коваными кольцами на створках. Покосившиеся крылечки с навесами. Квадратные дворы, куда выходили веранды, между столбиками которых всегда сушилось бельё.

Вечерами на этих верандах собирались старухи, сидели на стульях и на скамеечках и вели нескончаемые неторопливые разговоры о своих детях и внуках. Старухи всегда ругали нас, мальчишек, за шумные игры во дворах, иногда выгоняли нас на улицу, и тогда мы шли в парк или на речку, или в сквер у начала Кабардинской улицы.

Нет, не пойду домой.

Я снова побежал к школе.

От Почтовой по бульвару шагали ребята. Я сразу узнал своих.

Высокий — Витька Денисов. Рядом с ним — пониже — Володька Калмыков. И самый маленький в нашем классе Арик Колесников.

— Внук! — крикнул Витя Денисов, размахивая портфелем. — Ты чего на уроках не был?

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

— Я болею. В школу только четвертого.

— Ай, хорошо! — пискнул Колесников. — Четыре дня лишних.

Они окружили меня, похлопывали по спине, подталкивали плечами.

Мне было хорошо с ними. Не забыли за лето. Помнят. И я им нужен.

— Что было сегодня? Что задавали?

— Ничего не задавали. Татьяна читала нам книжку. Интересную. Про шпионов, — сказал Арик.

— И вовсе не книжку, а газету «Колхозные ребята». Там такой рассказ в нескольких номерах. Про мальчишку и про слепого корзинщика, который оказался германским шпионом, — сказал Витя Денисов.

— Всё равно — книжка. Только она напечатана в газете, — упрямо сказал Арик. — Понимаешь, там жил такой мальчишка, узбек. Гамид. А у него был товарищ, беспризорник. Бостан. И у Гамида не было отца, а был глухонемой отчим Сулейман. А этому Бостану председатель горсовета Баширов разрешил бесплатно ходить в кино. На сколько хочешь сеансов. Понял? Только Бостану быстро надоело... И ещё в их городе жил старый-старый корзинщик Мамед. Он был совсем слепой, с бельмами на глазах. И вот однажды у Гамида стал умирать дед...

Я таращил глаза на Арика и ничего не понимал.

— Ну тебя, хватит тарыхтеть, — сказал Витя Арику. — Он придёт и сам будет слушать. У Татьяны много газет, она ещё несколько уроков читать будет.

— С самого начала не будет, — сказал Арик. — Ему надо рассказать, что было сначала.

— У меня дома есть «Колхозные ребята», — сказал Володя Калмыков. — Мне отец выписывает. Идёмте ко мне, пусть он прочтает.

— Рассказывать интереснее, чем читать, — сказал Арик. — Я лучше ему расскажу.

— Ты рассказываешь так, что ни-

чего не понять, — сказал Витя. — Я ему сам расскажу.

— Ну и рассказывай! — надулсАрик.

— Идёмте ко мне, — сказал Володя. — Там есть картинки, в «Колхозных ребятах». Посмотрим. Пойдёшь, Колька?

Я подумал. Всё равно нечего было делать, пока тётя не придёт со своей работы.

— Пойду, — сказал я.

На картинках какой-то толстый человек выносил из бани на улицу всклокоченного мальчишку. В дупле огромного старого карагача сидел сапожник Сулейман. На голове у него белела войлочная шляпа вроде тех, которые носят кабардинцы, а в карагаче находилась сапожная мастерская. По улице, ошупывая дорогу палкой, шёл старый Мамед, за плечами у него висела корзина. Лицо у Мамеда было хитрое, подозрительное.

— Это — главный шпион, — сказал Арик. — Немец. Капитан Мертруп.

— А сапожник Сулейман — унтер Бетке.

Ребята говорили о них, как о своих хороших знакомых, и мне захотелось сейчас же прочитать все газеты, чтобы не выглядеть дураком.

Мы сидели в комнате Володи за небольшим письменным столом. Ещё в комнате стояла кровать, накрытая серым, как шинельное сукно, одеялом, и этажерка с книгами и учебниками.

Володя положил на стол пачку газет, и я сразу же схватил первые номера. До смерти хотелось узнать, почему Бостану разрешили бесплатно ходить в кино, кто такой унтер Бетке и как главный шпион превратился в слепого корзинщика.

Я не успел прочитать первый кусок повести, как в прихожей требовательно рассыпался электрический звонок и Вовка побежал открывать дверь. И сразу же я услышал голос Бетала. Я не разобрал слов, но мне показалось, что он спросил, есть ли кто-нибудь дома.

Бетал пришёл не один.

Володька притворил дверь комнаты и снова уселся за стол.

— Может быть, нам уйти? — деликатно спросил Витя Денисов.

— Зачем? — пожал плечами Володя. — Просто у отца срочное дело. Он будет разговаривать во время обеда. Он так всегда.

Я снова взялся за газету. Через минуту я уже не замечал ничего, даже ребят. Вокруг меня млела от жары Туркмения. Шёл 1931 год.

«Напомню, что это было за время, — читал я. — В нашем городке, расположенном неподалёку от границы, был выбран новый председатель городского Совета Гассан Баширов. В первый же день, как только он пришёл в Совет, он вызвал к себе заведующего коммунальным хозяйством Фейсалова и приказал ему вывезти мусор со всех дворов на главную улицу нашего города, где несколько лет назад в особенно дождливую зиму в грязи утонул буйвол...»

Ну и город! Главная улица — вроде такой Осетинской. Там тоже такая грязь, что осенью можно ходить по ней, только перепрыгивая с камня на камень. Но наша Осетинская — на окраине, а у них такая грязница была на главной!

«Мусор был свезён, свален, утрамбован, засыпан песком, летом главные улицы залили асфальтом и насадили вдоль тротуаров диковинные деревья, завезённые к нам с юга...»

Я люблю такие повести, где действие происходит не сразу, где сначала всё тихо, мирно, ребята учатся, взрослые спокойно работают, и кажется, так будет всегда, а потом вдруг всё меняется и начинаются такие приключения, что голова кружится и от книжки никак не оторваться.

«Затем Баширов пошёл в наступление на болота, окружавшие наш городок. Страшные это были болота... Малярией хворало чуть ли не всё население нашего городка поголовно, и я думаю, что нигде, ни в одной местности нельзя было

встретить столько истощённых, угрюмых людей с бледными губами и землисто-серыми лицами. Но стоило Баширову завести самолёт для борьбы с лихорадкой, опылить болота французской зеленью, залить их нефтью, как малярийные комары стали у нас такой редкостью, что за каждого комара, живого или мёртвого, Баширов распорядился платить три рубля счастливцу, который его поймает. Вот как он работал!»

Я знал, что такое малярия, видел больных ею людей, и Бетал Калмыков, Вовкин отец, сидевший со своими гостями в соседней комнате, слился в моём воображении с Гассаном Башировым, или нет — Гассана Баширова я представил себе в образе Калмыкова.

У нас, в Кабардино-Балкарии, тоже свирепствовала эта страшная хворь, и когда Бетал Калмыков стал секретарём обкома, он тоже начал яростную войну против малярийных комаров. Малярийный комар назывался звучно и красиво — «анофелес». По всей республике были построены малярийные станции, а в школах повесили плакаты с рисунками комаров. Теперь, как только мы замечали или на стенах домов, или на окнах комаров, мы убивали их без пощады. Правда, Калмыков не платил нам за живого или мёртвого анофелеса трёх рублей, но так или иначе, когда я перешёл в третий класс, с малярией в республике было покончено.

«И вот в этом-то беспокойном году, — читал я дальше, — я впервые встретился с двумя людьми, каждый из которых впоследствии стал моим другом. Случилось это из-за комаров, вот как...»

Тут газета кончилась, я поднялся со стула и стал искать на столе продолжение, и в этот момент из столовой раздался голос Бетала:

— Мальчики пусть обедают с нами.

Тотчас в комнате появилась Антонина Александровна, оглядела нас улыбающимися глазами и сказала:

«Мне было хорошо с ними. Не забыли за лето. Помнят. И я им нужен».

— Обедать! Володя, приглашай товарищей к столу.

Чудесной женщиной была Антонина Александровна, мать Володьки! Она всё знала про нас и никогда ни за что не ругала. И мы любили её так же, как любили Бетала.

— Идёмте мыть руки, что ли,— сказал Володя.

В большой столовой обед уже был на столе. Антонина Александровна разливала суп по тарелкам из большой фарфоровой миски. Блестящий черпачок в её руке был похож на красивую игрушку.

Она каждому из нас показала место, и когда мы уселись, вошёл Бетал. Следом за ним, смущённо потирая руки, вошёл ещё один человек. А мне-то показалось по шагам, что гостей было несколько!

Человек был одет, как одеваются горцы на праздник,— синяя шелковая рубашка со множеством пуговок на планке, узкие изящные галифе чёрного цвета, высокие хромы сапоги. На поясе — тонкий кожаный ремешок с богатым серебряным набором. На верхней губе у гостя топорщились маленькие усики, как у Бетала, а на голове сквозь редкие волосы просвечивала довольно большая плешь.

— Садись,— сказал ему Бетал, отодвигая от стола стул рядом со своим местом.

Гость сел и опустил руки на колени, под скатерть. Я заметил, что чувствовал он себя очень неловко в этой строгой столовой под ласковым взглядом Антонины Александровны.

— Ешь,— сказал Бетал.— Шашлыком не угощаю. Просто суп и котлеты.

Гость искоса взглянул на нас, на Антонину Александровну, выпростал из-под скатерти руки и тонкими смуглыми пальцами осторожно взял из плетёной корзиночки ломоть хлеба.

— Тоня, это — Балахо, председатель колхоза в Чегеме, мой старый друг,— сказал Бетал.

— Будьте как дома, не стесняй-

тесь,— попросила Антонина Александровна.

Балахо криво улыбнулся, переложил хлеб из правой руки в левую, а правой взял со стола ложку. Я видел, что ему не хотелось есть, не хотелось находиться в этой комнате, сидеть за этим столом рядом с Беталом. Даже мне от одного вида Балахо расхотелось есть вкусный суп.

— Я тебе расскажу, Тоня, почему я решаю это дело здесь, а не на работе,— сказал Бетал, когда Антонина Александровна присела рядом с ним.— Это — срочное дело. Очень важное дело.

— Может быть, не надо при детях и за обедом? — спросила Антонина Александровна.

— Это — срочное дело,— ещё раз повторил Бетал.— А дети... Дети пусть тоже слушают. Пусть знают, что такое партийная принципиальность. В школе этому не научат. А они будут жить после нас. Пусть запомнят этот обед.

— Бетал...— робко попросил Балахо.

— А ведь мы с тобой в одном году вступали в партию,— посмотрел на него Калмыков.— И воевали против белого дерьма в одном отряде. Я говорю верно?

— Верно,— опустил голову Балахо.

— Тоня,— снова обратился к жене Калмыков,— вчера ко мне в обком пришла женщина. Наржан Хамдешева.

— Бетал...— ещё раз попросил Балахо.

На этот раз Калмыков даже не посмотрел на него.

— У Наржан есть муж, которого зовут Лукман. У них пять детей. И самый плохой дом во всём Чегеме — мазанка, две комнаты, в одной спят, другая — кухня. И огорода нет, потому что нет мужских рук. Лукман уже два года не может работать. У него ревматизм. И два года колхоз ничего не даёт ему на трудодни. По твоему распоряжению? — резко повернул голову в сторону Балахо Бетал.

Балахо совсем низко нагнулся над столом.

— Распоряжения не было,— сказал он почти шёпотом.— Мы помогали Лукману... немного... Но ведь он не выходит на поле...

— Так,— сказал Бетал, откинувшись на стуле и положив ложку рядом с тарелкой.— Балахо, а если бы у нас в отряде в восемнадцатом году были раненые и мы бы не кормили их из-за того, что они не воюют? Как это назвать?

— Фронт и колхоз — это не одно и то же,— прошептал Балахо.

— Да, не одно и то же! Ты прав. Потому что на фронте еда была не всегда, а в колхозе она есть каждый день. На фронте нашим домом была бурка, а подушкой — седло. А сейчас у нас каменные дома. Кстати, Балахо, у тебя дом турлучный или саманный¹?

— Ты же знаешь мой дом, Бетал, был у меня в гостях,— пробормотал Балахо.

— У него дом из хорошего туфа,— обернулся к жене Бетал.— Четыре комнаты. И застеклённая веранда размером в две комнаты. И огород, и сад в пятнадцать соток.

— Землю мне дало государство,— сказал Балахо.— А дом я построил на собственные деньги.

— Знаю! — дёрнул головой Калмыков.— И ещё знаю, что в селении нет детского сада. Председатель не забывает начислять себе трудовые. Председатель строит себе хороший дом, а дети играют на пыльных улицах.

— Проект детского сада есть. Мы начнём...

— Ладно! — отрезал Калмыков.— Мы разговаривали о Хамдешеве.

— Я ему выпишу по трудовым за целый год. Минимум.

— Нет,— сказал Бетал.

— За два года,— поправился Балахо.

— Нет.

— Наверное, можно выплатить деньгами...

— Нет,— сказал Бетал.— Подачки Лукману не нужны. Он — горец, как ты и я.

— Что же тогда? — растерялся Балахо.

— Ты выдашь ему мешок кукурузы и два мешка пшеничной муки. И ещё один мешок пшени.

— По трудовым получится больше,— сказал Балахо.

— Это ещё не всё. В пятницу ты объявишь шихах. Понятно?

— Зачем? — Балахо весь вытянулся на стуле, и даже рот у него раскрылся от удивления.

— Мы построим Лукману новый дом. И сарай. И уборную во дворе. В пятницу я сам приеду и заложу фундамент. А потом во дворе у Хамдешевых, у нового дома я проведу бюро обкома. В воскресенье вечером. Я приглашу туда всех председателей колхозов района и привезу с собой секретарей, чтобы они не бездельничали в выходной день в городе.

— Бюро?.. — выдохнул Балахо.— Бюро обкома в нашем селении? Во дворе у Лукмана?..

— Да. Я решил. И повестка будет одна: о внимании к человеку. Председателем будешь ты, докладчиком — я.

Бетал отогнул рукав гимнастёрки и посмотрел на часы.

— Всё. Ешь. Потом поедешь в Чегем.

Мало что понял я тогда из этого разговора. Хотелось скорее выйти из-за стола и возвратиться в Туркмению к Гассану Баширову и Гамиду. У взрослых были свои дела, у нас, мальчишек, — свои. Поэтому я скорее доел суп, проглотил котлету, даже не почувствовав её вкуса, и поблагодарил Бетала и Антонину Александровну.

Балахо помешивал ложкой в тарелке остывший суп и старался не смотреть на Калмыкова, который ел с аппетитом, будто ничего особенного не произошло.

— Идите, ребята,— сказала Анто-

¹ Турлучный — из плетня, обмазанного глиной. Саманный — из глиняных необожжённых кирпичей.

нина Александровна, увидев, что мы всё съели.

Едва мы очутились в комнате, Витя Денисов засмеялся и сказал Володе:

— Здорово он этого самого Балахо... Ну и отец у тебя, Володька! Что же будет теперь?

— Шихах будет. Будут строить Лукману дом. А потом будет бюро обкома.

— Володька, а что такое шихах?

— Это когда все помогают одному. Всё селение. Вроде субботника, — сказал Володя.

— А почему так испугался Балахо бюро обкома? Что такое бюро? — спросил я.

— Бюро — это такое срочное партийное собрание, — сказал Володя. — А испугался Балахо потому, что на бюро отец будет ругать его за Лукмана. Может быть, даже объявит выговор.

— А ведь он с Балахо был вместе в одном красноармейском отряде. Они дружили. Он сам сказал.

— Ну и что? Помнишь, отец сказал, чтобы мы обедали вместе с ним и слушали. Чтобы знали, что такое партийная принципиальность.

— А что это такое?

— Это — когда как скажешь, так и нужно сделать. Или нужно сделать так, как требует партия. Дружба здесь ни при чём. Наоборот, с друга требуют ещё строже, — сказал Володя.

— Володька, неужели они успеют построить дом за три дня?

— Шихах построят.

Скоро мы разошлись. Володя дал мне пачку газет с продолжениями «Слепого гостя», и я побежал домой самым коротким путём — по Советской.

Вечерело.

Солнце висело совсем невысоко над горами. В парке на первой танцплощадке заиграла музыка. Наверное, тётя уже пришла с работы и удивляется, почему меня нет дома. Я расскажу ей, что был у Вовки, начал читать «Слепого гостя», обедал и слушал разговор Бетала

с Балахо. И тётя, как всегда, скажет:

— Бетал — изумительный человек.

Запахавшись, я добежал до площадки, где находился гараж обкома, но на месте гаража увидел незнакомый дом.

Я растерянно оглянулся.

Площадь стала теснее, была покрыта асфальтом, четыре этажа розового дома смотрели на меня тёмными прямоугольниками окон, и я знал, что если поднимусь по лестнице на третий этаж и постучу в высокую дверь, мне откроют совершенно незнакомые люди. И дядя Миша никогда уже не выйдет из несуществующего гаража, и тётушка не придёт с работы. Никто меня не ждёт к ужину в этом городе, потому что между городом и мною — более сорока лет...

Я посмотрел на газеты в руках.

«Известия», «Кабардино-Балкарская правда», «Советская Россия». Кажется, я купил их в киоске на Почтовой. На ногах у меня опять были туфли, а не сандалии с жестяными пряжками, и ногти на пальцах были необломанными и чистыми.

Я повернулся спиной к розовому дому и медленно пошёл к началу бывшего Карашевского бульвара.

Справа, у входа в городской парк, за кустами жасмина и сирени белело здание старого городского театра и перед его главным входом стоял памятник.

Интересно — кому?

Ещё издали я узнал эту невысокую плотную фигуру, эту черкеску, папаху, сапожки. Скульптор очень хорошо передал выражение лица Бетала — задумчивое, немного хмурое и в то же время как бы светящееся изнутри. Вот сейчас он слегка наклонит голову, посмотрит на меня и спросит: «Как дела, джигит?»

Я вздрогнул, повернулся и быстро зашагал к своей гостинице.

Лёжа в постели и просматривая газеты, я вспоминал утро, лопухи,

серый забор, голубое стекло, типографию, разговор в квартире Бетала.

Неужели это было сегодня?

Бросив газеты на тумбочку, я поднялся с постели, прошёл по мягкому коврику к шкафу, где висел мой костюм, и сунул руку в правый карман пиджака. Пальцы наткнулись на пластинку с острыми углами.

Я вынул её и поднёс к лампе.

Стекланный прямоугольник сиял чистым голубым светом. В нём отражались дверь комнаты, часть потолка, лампа с жёлтым абажуром на тумбочке. Я слегка повернул стекло и увидел своё лицо. Две глубокие морщины — там, где в детстве на щеках были ямочки. Плотные сжатые губы. Уходящие в тень глаза. Брови, нависшие над ними... Из голубого тумана на меня смотрел пожилой человек, над головой которого прошумело пятьдесят лет.

Я положил пластинку на стол, улёгся в постель и выключил лампу.

Утром на автобусной станции я взял билет до Чегема.

В автобус набилось много народу. Даже у выходной двери на мешке с покупками сидел старый кабардинец в серой войлочной шляпе. Девушка, по виду студентка, хотела уступить ему место, но он властно показал рукой: «Нет!» Разве было такое раньше в Кабарде, где женщина никогда не садилась за стол, пока не кончат обедать мужчины?

Рядом со мною устроилась молодая мама с ребёнком. Я помог ей уложить маленький чемодан на багажную сетку. Мальчик у неё на руках крепко спал, приоткрыв рот. Она поправила на его голове маленькую папаху и улыбнулась мне.

— Устал, — кивнул я на мальчика.

— Я была в гостях у сестры, — сказала женщина. — Целый год не виделись.

— Вы из Чегема?

— Да, — сказала она.

Автобус тронулся и поехал мимо вокзала, мимо маслобойного завода, куда я мальчишкой бегал разжиться семечками и где в магазине продавали самую вкусную штуку на свете — подсолнечные ядрышки, сваренные на меду.

За ипподромом город кончился, и по обе стороны шоссе потянулись нескончаемые заросли кукурузы. На толстых с широкими листьями стеблях, похожих на стволы бамбука, сидели початки, завёрнутые в кожистые желтоватые рубашки, и я вспомнил, как на больших переменах мы из школы бегали на базар и покупали варёную кукурузу. Продащица доставала початки из ведра, накрытого толстой тряпкой. Они ещё обжигали руки, мы перебрасывали их из ладони в ладонь, брали с бумажки на прилавке щепотку соли и натирали ею початок. А потом вгрызались в крупные, похожие на лошадиные зубы, зёрна, и наслаждения этого хватало до самого звонка на урок.

Навстречу автобусу тянулись арбы, запряжённые волами, бойко цокали копытцами ишаки, нагружённые мешками и погоняемые мальчишками, бежали легковые автомашины. Я помнил, как асфальтировалась эта дорога, как вдоль неё на обочинах горожане сажали вишнёвые и грушевые деревья и ставили столбики с табличками:

ПУТНИК! ОТДОХНИ,
ПОЖАЛУЙСТА!
ПОДКРЕПИСЬ!
ТЕБЯ УГОЩАЕТ КОЛХОЗ
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Какими большими стали сейчас эти груши и вишни! Вон краснеют среди листвы тёмно-красные ягоды. Выйти бы из автобуса и попробовать. А вот табличек уже нет. Да их и не надо — сейчас все знают, что это — общее.

Впереди встали высокие пирамидальные тополя, мелькнули среди них красные черепичные крыши и белые стены домов, за плетнями тёмной зеленью закрубились ябло-

новые сады, и автобус остановился около моста через речку.

— Чегем,— сказал водитель.

Пассажиры зашевелились, старик, сидевший у двери, подхватил свой мешок, я помог женщине со спящим мальчиком вынести на остановку эмалированное ведро, завязанное сверху холстиной, и чемодан, за нами вышли ещё несколько человек, и автобус укатил дальше.

— Спасибо,— сказала женщина, поудобнее перехватывая мальчика на руках.— Теперь я сама.

— Я вам донесу,— сказал я.— Идите вперёд, показывайте дорогу.

Она смущённо повторила ещё раз «спасибо», и мы пошли по узенькой улочке вниз, к реке.

В небе стояло свежее, яркое солнце, журчала вода в канавках вдоль улицы, лениво обернувшись на наши шаги собака, лежащая у входа в чей-то сад.

У новенького аккуратного плетня женщина остановилась.

— Здесь,— сказала она. Крепче прижала к себе мальчика и крикнула в глубь сада: — Исуф!

Почти сразу же появился мальчик в джинсах и серой школьной рубашке, широко улыбнулся женщине, потом мне, открыл не замеченную мною в плетне калитку, подхватил ведро и чемодан, которые я поставил на землю.

— Может, зайдёте? — спросила женщина.

— Нет, спасибо,— сказал я.— Но может быть, вы знаете, где живёт Лукман Хамдешев?

— Лукман? — женщина наморщила лоб, вспоминая, затем обернулась к мальчику и они быстро заговорили по-кабардински. Мальчик называл имена — Лукман Цукович, Лукман Митович, Лукман Барсбиевич, Исмет Хамдешев, Мита Хамдешев — и растерянно пожимал плечами.

Наконец женщина посмотрела на меня.

— У нас много Хамдешевых, много Лукманов,— сказала она.— Какой вам нужен?

— Это было очень давно, почти

пятьдесят лет назад,— сказал я.— Бетал Калмыков объявил шихах и построил Лукману Хамдешеву дом.

— Э! — воскликнул мальчик, и лицо у него оживилось. Он опять обернулся к женщине, сказал ей несколько слов, потом бегом бросился с вещами в калитку и исчез в зелени сада.

— Подождите, пожалуйста, сейчас Исуф вам покажет дом,— сказала женщина и пошла следом за мальчиком.

Через минуту ко мне на улицу выбежал Исуф.

— Идёмте,— сказал он.

Низом, вдоль сонной, неглубокой речки мы вышли к большому саду, в глубине которого розовел добротный дом из туфа, крытый плоской оранжевой черепицей.

Исуф, видимо, хорошо знал ход через сад. Я не отставал от него. Мы пробрались через колючие кусты малины, прошли под старыми яблонями к переднему фасаду дома и увидели старика, сидящего на скамейке.

Мальчик почтительно наклонил голову и сказал старику несколько слов. Потом ещё раз поклонился и растаял в саду.

Старик поднял на меня глаза.

У него было узкое и тонкое, как у всех кабардинцев, лицо, белая борода ровным клинышком, небольшие усы и косматые брови, на которые была надвинута белая папаха. На плечах — потёртая черкеска с пустыми кармашками для газырей. На вид ему было лет восемьдесят, но серые глаза смотрели на меня молодо, внимательно и чуть улыбаясь.

— Я — Лукман Хамдешев,— сказал он.— Будь моим гостем.

Вечером, в уютной комнате за столом, Лукман рассказывал:

— Тот старый дом был турлучный, его построили за три дня. Он простоял двадцать лет. Бетал приехал сюда, сам взял лопату и наметил канавками место дома. Я тогда удивился, что дом будет такой большой. Но Бетал сказал:

«Бетал посадил меня на стул. А все стояли. Стояли, когда сидел я — Лукман! И он сам стоял около меня и держался за спинку стула».

«Хватит, пожили в мазанках, похожих на собачьи конуры. Советская власть хочет, чтобы все жили в больших и светлых домах».

— Лукман Митович, я знаю, что у вас во дворе состоялось бюро обкома. Что говорил Бетал на этом бюро?

— Да, это было бюро! — сказал Лукман, погладил пальцем усы и улыбнулся. — Такого у нас в Чегеме никогда не видели. Настоящее бюро во дворе, вон там, — он показал за окно. — Приехали большие люди из Нальчика. Приехали председатели из колхозов. Все мужчины Чегема собрались у меня, нищего Лукмана. А я не мог даже стоять. Ноги болели. Я был, как малый ребёнок. Бетал посадил меня на стул. А все стояли. Стояли, когда сидел я — Лукман! И он сам стоял около меня и держался за спинку стула. То, что он сказал, я помню сейчас так хорошо, будто только что услышал его слова. И я всё передал детям, всё до единой буквы. Их пятеро у меня. Такие, как ты, ну, если только немного помоложе... Я сказал детям: «Запомните это на всю жизнь и своим детям скажите так, как я говорю вам. Потому что такие слова — как надпись на камне. Люди умирают, а мудрые слова остаются их детям, их внукам, и детям их внуков, и их детям...»

Вот что говорил Бетал, а я сидел перед ним, стоящим, и запомнил его слова:

— Я вижу здесь многих. Вы стоите на этом дворе рядом — руководители районов, председатели колхозов, сельские коммунисты и беспартийные. Я не хочу скрывать от вас положения дел. Скрывают только тогда, когда совсем уже плохо. Среди нас есть люди, сердца которых обросли жиром. Им кажется, будто Советская власть завоёвана только для них. Пользуясь своим положением, они стараются получить от власти всё самое лучшее. Разве такие люди не похожи на князей и урков, которых мы сбросили в тысяча девятьсот двадцатом? Помните, люди: революция совер-

шена для вас. Только для вас, а не для того, чтобы Балахо имел туфовый дом со стеклянной верандой в две комнаты размером, а Лукман Хамдешев получил на трудодни за год мешок сырых подсолнечных семечек, потому что болел ревматизмом и не мог выходить на поле! Посмотрите — у плетня на улице стоит шесть автомобилей. А передо мной стоят некоторые люди, которые отрастили такие животы, что их уже не может носить конь, им обязательно нужен автомобиль. И они едут на этих автомобилях по республике, отгороженные от всего толстым стеклом, и не видят через это стекло стариков, старух и больных, которые проходят мимо. До их голов не доходит, что и машины, и руководящие посты им дали эти старые старики, которые в меру своих сил и сейчас ещё трудятся в городах и селениях. Позор! Это я говорю вам прямо в лицо — позор, потому что то, что вы делаете, вы делаете на глазах у людей, которые вам дали власть, и то, что вы делаете, будет обсуждено людьми.

Вот что сказал тогда Бетал в моём дворе на бюро обкома. Он говорил ещё много о разных делах, но я запомнил только эти слова. Они у меня здесь, — старик приложил руку к груди.

Неслышно вошла в комнату внучка Лукмана София и поставила на стол блюдо с горячей душистой пастой и миску густой, слегка желтоватой сметаны.

— Кушайте, пожалуйста, — сказал старик.

— А ревматизм? — спросил я, вспомнив, как он легко поднимался по ступеням крыльца, ведя меня в дом.

— Нету, — сказал Лукман. — Совсем здоровый сейчас. Бетал послал меня на серные ванны. Там я каждый день купался в тухлой воде, и вода взяла из моих ног болезнь. А ты знаешь, что стало с домом Балахо? Свой большой дом с верандой в две комнаты он отдал колхозу для детского сада. Себе построил другой, саманный.

Хорошо, что ты знал Бетала.

Я хотел сказать, что видел Калмыкова вчера, даже обедал у него дома, что за столом вместе с нами сидел Балахо и не знал, куда девать себя от позора, но сдержался.

— Я начинал войну вместе с его сыном Володей. Володя погиб под Кёнигсбергом. Он был таким же, как отец.

— Хорошие люди живут мало, но

сделать успевают много,— вздохнул Лукман.

В комнате смеркалось.

Опять неслышно появилась София и щёлкнула выключателем у двери.

В открытое окно из сада влетела большая махровая бабочка и начала кружиться вокруг абажура лампы.

Рис. Ю. Шабанова

(Продолжение следует.)

Ахмет АДИЛЬ

Художник

Белый лист бумаги
Взял художник в руки,
Чистый лист бумаги,
Только и всего.

Кисточку и краски
Вынул он из сумки,
Кисточку и краски,
И больше ничего.

Посидел немного,
Будто над задачей,
И ушёл тихонько —
И унёс с собой

Улицу с домами
И со мной впридачу,
И кусочек неба —
Самый голубой.

Перевёл с татарского
Борис Сулимов

Рис. Л. Московского

Письмо из сорок четвёртого

«Мы не от старости умрём, —
От старых ран умрём...»

Написал незадолго до смерти поэт огневого поколения Семён Гудзенко. Эти строки воскресают в памяти фронтовиков, когда они, уже под мирным небом, прощаются со своими боевыми друзьями.

Прекрасный поэт Владимир Алексеев тоже умер не от старости, а от старых ран. Стихам, которые ты сейчас прочитаешь, —

сорок лет. По сути, это даже не стихи, а письма с переднего края к самому близкому человеку, письма, невольно прозвучавшие стихами.

К таким неожиданно возникшим строчкам лично у меня больше всего веры. В них — только правда, суровая, тяжёлая правда войны.

Мы не знаем — включил ли бы эти стихи Владимир Алексеев в свой очередной сборник. Может быть, и не включил бы, поскольку с фронтовых писем копии не снимались.

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Нет из дому письма

Белоснежный покров батистовый
разостлала зима вокруг.
Только ветер один неистовый
среди ночи заплачет вдруг...

Застучит он в окно, запросится,
наводя на вас жуткий страх,
на прохожего с воем бросится
и умчится, клубясь в снегах.

И сугробов кругом обильных
нанесёт на полях пустых,
словно холмиков ряд могильных,
потерявших давно кресты.

И бывает, в такие ночи,
холодея, замёрзнет кровь.
И мечтать ни о чём не хочет
наболевшее сердце вновь.

И сидишь у печурки, ёжась,
и глядишь, как дрова горят...
Вот в такую же ночь, быть может,
у печурки сидел солдат...

1944 год

Рис. О. Полищук

Герман ГОППЕ

К тебе приеду

«Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви».
(Из песни А. Суркова „Землянка“)

Нет коптилки в холодной землянке,
только ветер в печурке свистит...
Я сажусь за письмо спозаранку —
пусть мой голос к тебе прилетит.

Ночь морозна и утро морозно.
Я накинул свой старый бушлат.
Гаснут в небе зелёные звёзды,
как сквозь сон, канонада слышна.

Неужели забуду дороги
и поля — без краёв, без краёв...
Краткий отдых в лачужках убогих
и баюканье близких боёв?!

Неужели забуду когда-то
небосклон, что внезапно краснел?!
И опять — ровный гул, как сквозь
вату,
только снег, только снег, только
снег...

Скоро-скоро настанет Победа!
Я не знаю, останусь ли жив
и к тебе в тёплый вечер приеду ль,
эту вечность войны покорив...

Только верить, любимая, надо:
без надежды — и жизнь ни к чему.
А поэтому в гуле снарядном
возвращаюсь к стихам и письму.

Сожжённая фашистами
деревня Красная Горка.

Январь, 1944 год, Псковская область

Ленинград и Дрезден — города-побратимы. Их объединяет многое: как и Ленинград, Дрезден — город науки и точного приборостроения; подобно Ленинграду, Дрезден — центр культуры и искусства; у Дрездена, как и у Ленинграда, богатые музыкальные традиции... Символичны и судьбы этих городов: 900-дневная блокада Ленинграда принесла неисчислимые человеческие жертвы; трагедией Дрездена стала англо-американская бомбардировка города 13 и 14 февраля 1945 года.

О Дрездене и его судьбе рассказывает в сегодняшней «Искорке» ленинградский писатель Юрий Григорьевич Слепухин. В годы войны Юрий Слепухин оказался в Германии и был невольным свидетелем того, что принесли немецкому народу фашизм и война.

Юрий СЛЕПУХИН

Рис. А. Аземши

ФЛОРЕНЦИЯ НА ЭЛЬБЕ

Название может удивить читателя — если он, этот читатель, имеет по географии хотя бы четвёрку (заслуженную). Троечники, те вообще ничему не удивляются: скажи им, что Нью-Йорк стоит на реке Лимпопо, — они и этому поверят.

Но человек, в географии искушённый, знает, что Флоренция — город итальянский. Может быть (есть ведь на свете эрудиты!), ему даже известно имя реки, протекающей через Флоренцию — Арно, с ударением на первой гласной. Что же касается Эльбы, то она, родившись в Чехословакии, где её называют Лабой, течёт через всю Германию и впадает в Северное море близ Гамбурга. Откуда на ней взяться Флоренции?

Всё верно. Здесь имеется в виду совсем другой город. «Флоренцией на Эльбе» принято называть Дрезден, расположенный на территории ГДР.

Когда немецкому писателю Гердеру, другу Гёте и современнику Великой французской революции, захотелось выразить своё восхищение молодой столицей Саксонского княжества, он написал: «Процветай, немецкая Флоренция...» Метафора оказалась крылатой, так с лёгкой руки Гердера Дрезден и обрёл второе имя.

...Когда я впервые, осенью сорок третьего, попал в Дрезден, шла война. Никто из нас и представить себе не мог, что спустя несколько лет на

месте гитлеровского «третьего рейха» возникнет мирная и дружественная нам Германская Демократическая Республика, что мы и немцы станем ездить друг к другу в гости, что наши народы будут по праву называться братскими.

Не знал я, конечно, что после войны мне доведётся жить в Ленинграде, что Ленинград и Дрезден станут городами-побратимами. Дрезден был для меня вражеским городом — меня привезли туда в запёртом товарном вагоне, люки-окошки которого были заплетены колючей проволокой. Да и пробыл я там недолго — вскоре нашу группу «восточных рабочих» отправили дальше на запад, в Рурский бассейн.

Но — бывает же так! — в этот вражеский город я, можно сказать, влюбился с первого взгляда. Совсем мальчишка, я тогда не разбирался в архитектурных стилях, а историю знал только из курса тогдашней средней школы; единственное, пожалуй, что мне было известно о Дрездене, это то, что там одно время правил некий Август, что прозвали этого Августа «Сильным» и был он (кажется) союзником Петра I в войне со шведами. Ну, и ещё я слышал, что в Дрездене есть знаменитая картинная галерея.

Был, помню, мрачный, тёмный ноябрьский день, моросил дождь, да ещё и флаги со свастикой висели чуть ли не на каждом доме — наверное, был какой-то «их» праздник.

И всё равно город был прекрасен. И такое впечатление он произвёл не только на меня, хотя нам тогда было не до того, чтобы беспристрастно оценивать красоту немецких городов.

Таким он мне и запомнился. Прошло полтора года, война уже приближалась к концу, Германия лежала в развалинах, разрушаемая с воздуха англо-американской авиацией. Ранней весной сорок пятого года, за несколько дней до освобождения, я услышал по радио о гибели Дрездена в результате тяжёлого воздушного налёта. Мы к тому времени уже настрадались всякого, привыкли и к бомбёжкам и к пожарам; но эта новость потрясла меня даже в то время, хотя из официального сообщения нельзя было представить себе подлинных размеров катастрофы, постигшей столицу Саксонии.

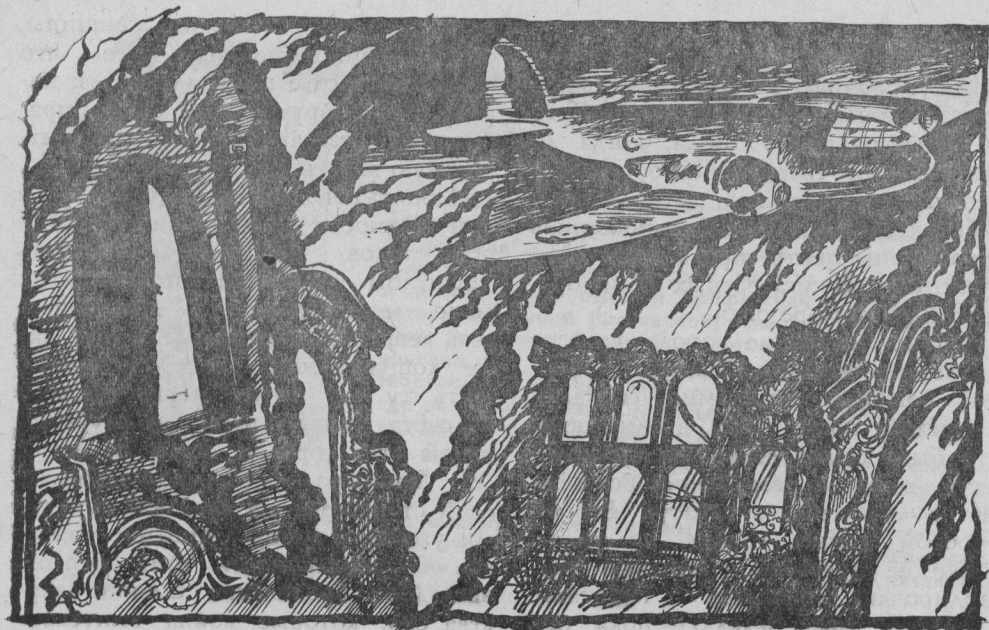
Что там произошло в ночь с 13-го на 14 февраля 1945 года, мне довелось узнать несколько позднее, уже в одном из лагерей для «перемещённых лиц» в Голландии. «Перемещёнными» стали тогда называть иностранцев, увезённых в своё время в Германию из различных стран Европы и освобождённых под конец войны войсками союзников. Среди них

оказались и несколько человек, переживших бомбёжку Дрездена...

Впрочем, прежде чем рассказать о трагедии этого города, стоит, наверное, ещё раз вернуться к его истории.

Впервые он упоминается в документах XIII века — как рыбацкое поселение «Дразяны», основанное на левом берегу Эльбы лужицкими славянами — лужичанами, или сорбами, как их до сих пор называют в этой части ГДР. На другом, правом, берегу, в деревеньке Низан обосновались немцы. Жители обоих поселений ладили между собой — был построен мост, на прибрежном холме Ташенберг поднялся замок местного маркграфа, за проезд по мосту стали взимать пошлину... Города в то время возникали и росли на скрещении торговых путей, один из них, как правило, был водным. Париж и Москва, Киев и Магдебург, Лондон и Новгород — все они не случайно стоят на судоходных реках. Не были исключением и Дразяны.

По-настоящему история «немецкой Флоренции» начинается вместе с XVIII веком. Ленинград и Дрезден

не только побратимы; их можно считать ровесниками.

В 1694 году, вскоре после воцарения в России Петра Первого, курфюрстом Саксонии стал Фридрих Август. Он вошёл в историю под прозвищем «Сильный». Но если у Петра незаурядность натуры проявлялась в заботах о благе государства Российского, как он это благо понимал, то вся энергия Августа Саксонского расходовалась на прославление собственного имени. Честолюбие его было непомерным. Прослышав о строительстве русским императором новой столицы, Август решил перестроить свою.

Дрезден начал украшаться великолепными дворцами, набережными, в 1711 году зодчий Пёппельман заложил неподалёку от королевского замка грандиозный дворцовый комплекс «Цвингер». Сын и наследник «Сильного» Август II продолжал дело отца — его посланцы скупали по всей Италии лучшие произведения живописи и скульптуры. В Пьяченце купили знаменитую «Мадонну с Младенцем» кисти Рафаэля, называемую Сикстинской по имени монастыря, в котором она находилась; в Модене было приобретено сразу целое собрание картин — оно-то и стало основным фондом известной всему миру

Дрезденской картинной галереи, едва не погибшей в 1945 году и спасённой нашими солдатами и нашими реставраторами.

...«Городом искусств» Дрезден продолжал считаться и при гитлеровском режиме, хотя нацисты вынудили эмигрировать, замолчать или уйти в подполье виднейших деятелей культуры. Когда началась война, дрезденцы были уверены, что их городу ничто не грозит, — настолько дикой казалась всем мысль, что кому-то придёт в голову бомбить дворцы, храмы и музеи. И действительно, Дрезден не трогали. Начиная с середины 1942 года, не проходило месяца, чтобы авиация союзников не ровняла с землёй очередной немецкий город; Кёльн, Штутгарт, Дюссельдорф, Гамбург — крупнейшие промышленные центры Германии — один за другим рушились под ударами с воздуха.

А Дрезден не трогали.

К концу 1944 года он оставался единственным из больших немецких городов, где не упало ни одной бомбы. Слава «города-музея», казалось, защищала его лучше зенитных батарей. В Дрезден начали стекаться беженцы со всей Германии — люди верили, что здесь они смогут благополучно дождаться мира. Шестисотты-

сячное население города увеличилось за их счёт почти вдвое.

И тут война, так долго щадившая Дрезден, взяла реванш. В ночь с 13-го на 14 февраля 1945 года, когда до капитуляции гитлеровцев оставалось меньше трёх месяцев, армады английских тяжёлых бомбардировщиков сбросили на центр города 3 000 тонн фугасных и зажигательных бомб, превратив его в море огня.

Другие немецкие города уничтожались постепенно, Гамбург и Берлин бомбили неделями, месяцами. А Дрезден погиб сразу, в одну ночь. Это была самая страшная по количеству жертв и разрушений бомбёжка на европейском театре Второй мировой войны, — лишь полугодом позже её превзошли атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Дрезден горел неделю — пока было чему гореть. Пожар охватил пятнадцать квадратных километров. Чтобы наглядно представить себе, что это такое, возьмите план Ленинграда и нарисуйте на нём овал длиной от Адмиралтейства до площади Александра Невского, а шириной от площади Мира до Марсова поля. Обведённый участок по размерам соответствует тому, что в Дрездене стало «зоной сплошного разрушения», — то есть местом, где не осталось ничего, кроме оплавленного щебня и десятков тысяч погребённых под ним людей...

Воздушная война, которую вели англо-американские союзники, не могла подорвать военного потенциала гитлеровской Германии, а людям принесла невообразимые страдания. Под фугасными бомбами и испепеляющим дождём фосфора гибли

мирные жители — дети, женщины, старики, виновные лишь в том, что имели несчастье принадлежать к народу, слепо вручившему своим правителям безграничную и бесконтрольную власть.

И опять невольно думаешь о странной общности судеб наших городов-побратимов. Не будем сравнивать масштабы страданий, выпавших на долю ленинградцев и дрезденцев; есть вещи несоизмеримые, к ним даже кощунственно пытаться приложить ту или иную мерку трезвого подсчёта. Важно другое: не случайно имена этих городов стали символами. Ленинград — символ человеческой стойкости, несломимой никакими ужасами войны. Дрезден — символ бессмысленности этих ужасов, наглядное проявление слепого зверства сил, которые война выпускает на свободу...

Жестокость войны разнообразна и многолика. Часто она бывает неизбежна, иной раз необходима — любой командир, отдавая боевой приказ, тем самым может обречь на смерть кого-то из своих солдат. Однако есть виды жестокости, которых не оправдать никакими самыми справедливыми целями. Имя «Дрезден» — как и имена «Хиросима», «Освенцим», «Дахау», «Ленинград» и ещё много других — навеки врезано болью в нашу память. Именно в нашу общую память, это ведь не только боль русских, немцев, поляков, японцев... Это — боль всего человечества.

И только общая боль человечества, общая его тревога за судьбу планеты может стать той силой, что обеспечит мир и жизнь нашим потомкам.

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Александр Дорощеву — 33 года. Он — коренной москвич, но обстоятельства его жизни сложились так, что он побывал в самых разных местах нашей Родины. Сначала с родителями-геологами жил на Крайнем Севере. А потом, когда овладел профессией художника-реставратора настенной (фресковой) живописи, работал в Ростове, Ярославле, Владимире, Могилёве, в Казахстане... И, конечно, это не могло не сказаться на его литературном творчестве. В его рассказах — природа и обычаи тех мест, где он побывал, люди, которых встретил и полюбил, и дети. Дети — почти в каждом из его рассказов.

Для детей Александр Дорощев пишет давно и успешно. Он печатался в «Костре», «Пионере», «Мурзилке», «Колобке». В издательстве «Детская литература» вышли у него две небольшие книги. В «Искорке» А. Дорощев выступает впервые. Мы взяли у него рассказ «Дом в снегу». Нам показалось, что в этом рассказе виден не только Дорощев-писатель, но и Дорощев-художник, потому что в рассказе много цвета, света и деталей, которые способен заметить только глаз художника.

А. ДОРОЩЕВ

Рис. О. Филипенко

ДОМ В СНЕГУ

Утром мама повела меня к Павлукам.

— Познакомишься с ребятами,— говорила она,— а то сидишь сиднем, как таракан запечный.

На улице темно. Утра не видно. Хотя услышать его можно. Стучат двери в домах. Торопливо скрипит снег. Ровно и тяжело гудит над сугробами утренний мороз.

— Дыши носом — рот закрой! — говорит мама, и видно, как слова выпархивают изо рта белыми короткими облачками, рассыпаются под фонарём блёстками.

Мы поднимаемся на крыльцо, будто вырезанное из белого льда. Мама отворяет дверь, и мы оказываемся в тёмной прихожей. У стены на полу белеют кастрюли. Одна пошевелилась — я схватил маму за руку. Кастрюля встряхнулась, кинулась впотьмах наискосок — замерла.

— Курица,— тихо сказала мама.— Обыкновенная курица.

Сбоку в прихожую выпал жёлтый свет. И появилась женщина, маленькая и круглая, как электрическая лампочка.

— Ранние птички! — сказала она.— Залетайте.

— Доброе утро, Зоя,— сказала мама, подталкивая меня вперёд.— Вот — принимайте. А мне на работу лететь.

В спину дунуло холодом. Я обернулся — за мамой, закрываясь, вздрогнула дверь.

За вешалку цеплялось множество курточек, тулупов, шуб и просто пальто. Им было тесно. Они топорились, лезли в стороны. Я долго не мог пристроить свою шубу — они спихивали её с крючка. «Сколько же здесь этих Павлуков,— думал я с опаской.— И все где-то спрятались».

Из кухни доносились потрескивание, шепот, шелест... Кто-то вскрикнул:

— Не кинешь! Не кинешь! Не попадёшь!

Я не решался отойти от вешалки. Рядом прохаживалась белая курица, то и дело замирая на одной ноге. Клёцки! — клюнула она доску, взглянула на меня искоса и мотнула головой, приглашая на кухню.

Там было ярко и жарко. Сонно бурчала на плите кастрюля, вида боевого, с помятыми боками. На сковородке что-то трепетало. Тётя Зоя раскатывала тесто тяжёлой скалкой. Девочка в красном фартуке укладывала одинаковые белые колобки рядами, как солдатиков. Девочка была румяная, с маленьким носиком и толстой косой. Хотелось дёрнуть её за косу или просто толкнуть.

— Это Люба Черномордикова! — сказала тётя Зоя. — Мы с ней клёцки готовим. Такая прилежная! А этот — мой Вовка. Один десятерых стоит, — вздохнула она.

Вовка сидел на стуле, широко разинув рот.

— Не кинешь! Не попадёшь! — крикнул он, не закрывая рта.

Вдруг кто-то легонько толкнул меня в спину. Рядом объявился маленький беленький мальчик.

— Вадик Свечкин! — заметила

его и тётя Зоя. — Ты прямо как из-под земли — мы тебя и не слышали.

— А я нарочно, — засиял Вадик Свечкин. — Крался, как охотник.

— Не кинешь! Не попадёшь!

— Куда попасть? — насторожился Вадик. — Я такой меткий — сразу попаду!

— Тётя Зоя, — сказала Люба, прицелившись коlobком в Вовку, — можно кину?

— Да что вы, дети, — клёцками кидаться?! — всплеснула руками тётя Зоя и растерянно взглянула на меня. — Что про вас подумают-то?

— Никишь - никишь - никишь - никишь! — затанул Вовка.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказала тётя Зоя, глядя на меня. — Давайте все от него отвернёмся — раз-два!

И действительно, все быстро по этой команде отвернулись от Вовки в разные стороны.

А я замешкался. Вовка спрыгнул со стула и подошёл ко мне.

— Я её нарочно дразню всегда, — сказал он мне на ухо, указывая пальцем на Любу. — Хочешь, клёцкой кину? — И он стал прицеливаться в Любу, которая отвернулась очень прилежно и ничего, конечно, не подозревала.

— Не кинешь! — вдруг крикнул я. — Не кинешь, не кинешь!

Это были мои первые слова в доме Павлюков. Все разом повернулись и посмотрели на меня так, будто я и в самом деле таракан запечённый, будто только-только из-под земли.

— Да, не простое это дело всего для одной пары рук, — новым, строгим голосом сказала тётя Зоя. — А с виду такой скромный и серьёзный мальчик.

После жаркой кухни в большой комнате было прохладно и тихо.

У стены поднималась высокая кровать с горой подушек, с блестящими металлическими спинками, украшенными шариками, бубликами, завитушками. Глубоко, под одеялами-покрывалами, стоял, должно быть, большой город — замки, пушки, дворцы, башни. Хотелось немедленно раскопать этот город. Но так ровно и строго лежали подушки и покрывала, что и дотронуться до них было жутко.

А над кроватью висел коврик с оленями, — они, видно, дрались. Один, взобравшись на белый валун, нацелился другому рогами прямо в глаз.

На улице уже стало светлее. Уже стёкла, покрытые стекающим к низу льдом, стали мерцать, просвечивать. Тётя Зоя заглянула к нам, включила свет.

— Ох, — сказала она. — Зимний день, прямо как сорока, — потрещит, потрещит и нету. Только белый бок мелькнёт.

Я приложил руку к окну. Шершавый лёд быстро становился скользким. Рука влипала в него, будто могла пройти насквозь или отодвинуть стекло в белую пустоту. Казалось, дом снаружи завален снегом по самую крышу и не выйти нам отсюда до весны.

— Ладно, — сказал Вовка. — Будем играть.

Он быстро пополз под кровать. Мы с Вадиком поползли следом.

У кроватной ножки я задержался, — кровать была на колёсах! Эх,

ей бы по свету колесить, а она придулилась в комнате, под ковриком, укрытая одеялами.

Мы ползали на четвереньках под кроватью, как разведчики. Было пустынно — никакого имущества: ни чемоданов, ни старых игрушек.

— Давай-давай! — прикрикнул на меня Вовка. Он уже вовсю погонял Вадика Свечкина, который полз по кругу. — Живо, Свечка! Вы мои слуги!

— Никакие мы не слуги, — оставившись вдруг Вадик. — Сам ползай!

— Мы не слуги! — согласился и я.

— Тут моё царство! — сказал Вовка.

— А мы вылезаем с твоего царства! — взбунтовался Вадик и хотел встать, но железное небо над ним только прогнулось и отбросило его на пол.

Тогда мы с Вадиком плечо к плечу поползли на волю.

Ползли мы долго, а над нами была всё та же кровать.

— Кажется, заблудились, — сказал Вадик, озираясь.

Стало душно, как перед грозой. Позади раздавалось пыхтение, сопение.

— Не уйдёте, не уйдёте...

Мы бросились вперёд, не разбирая дороги. Что-то грохнуло над головой. Разлился белый свет. Я зажмурил глаза.

— Создатели вы мои! Батюшки и матушки! — воскликнула тётя Зоя, входя в комнату.

— Батюшки! — ахнула за ней Люба Черномордикова.

— И матушки! — тихонько, сидя на полу, сказал Вадик.

Олений коврик одиноко висел посреди стены.

Подушки и одеяла были размётаны по полу.

А кровать, раскрытая и свободная, готовая к дальним дорогам, врезалась в обеденный стол.

Даже плоский полосатый матрац съехал набок, обнажив ажурную панцирную сетку. Сквозь неё виднелся Вовка.

— Это кто же там такой? — спросила тётя Зоя.

— Это там царь, — быстро сказал Вадик.

— Ну, сейчас влетит этому царю, — сказала тётя Зоя, грозно глядя и на нас с Вадиком. — В пастухи пойдёт!

Вовка не стал вылезать из-под кровати и напрашиваться в пастухи. Пыхтя, как паровой двигатель, он покатил кровать обратной дорогой к оленям.

Тётя Зоя шла следом, собирая кроватную одежду.

— Мы с этой кроватью полстраны объехали, — ворчала она. — А вам всё игрушки!

Кровать поскрипывала, покачивала панцирной сеткой, когда на неё вновь ложились подушки и одеяла.

— Ей, может, сто лет, — говорила тётя Зоя, успокаивая кровать на прежнем её месте — у стены под ковриком.

— Такая старушка?! — изумилась Люба Черномордикова. — А Вова её по комнате гоняет. Вот балда!

— Балда-балда! — подхватил Вадик. — А никакой не царь!

— Бал-да-бал-да-бал-да! — запели мы с ним вместе, заглядывая под кровать, где виднелся притихший Вовка.

— Ладно, мальчики, не такой уж он и балда, — сказала тётя Зоя вдруг так мягко, будто выронила пуховую подушечку. — Вы бы лучше художеством занялись — порисуйте. Зиму там или лето.

Мы сидели за столом перед одинаковыми белыми листами. У каждого в руке — карандаш.

— Ты прямо в самой Москве жил? — спросил Вовка.

— Прямо в Москве, — сказал я громко, чтобы услышала и Люба Черномордикова на кухне.

— Счастливый ты! — сказал Вадик. — Прямо в Москве...

Я сел попрямее на стуле и нахмурил брови, чтобы выглядеть определённо счастливым.

— Так ты рисуй Красную площадь, — сказал Вадик.

— Красную площадь и я нарисую, для того не обязательно в Москве жить, — сердито сказал Вовка и тут же принялся рисовать, от усердия кое-где продирая бумагу.

Я тоже хотел нарисовать очень красивую картину. Прямо перед глазами моими стояли белые дома с колоннами и флагами, спешили нарядные люди, колыхали листвою деревья, урчали машины, тормозя у светофоров. Но рука моя, как я ни старался, выводила самые заурядные домики — труба, крыша, четыре стены и крыльцо — посреди белого поля. И колонны некуда пристроить.

— А я буду рисовать пустыню, — придумал наконец и Вадик, проводя по своему листу из конца в конец почти прямую линию. — Я потому буду её рисовать, что там на поезде ехал.

— Охота — песок рисовать! — засмеялся Вовка.

— Там не песок, а плоская земля с кустиками, — возразил Вадик.

— А верблюды? — спросил я.

— Верблюдов не видал, — признался Вадик. — Я с верхней полки в окно глядел, глядел... А потом заснул, потому что только земля да кустики.

— Ну и рисуй свои кустики, — сказал Вовка. — Вот уж интересно то...

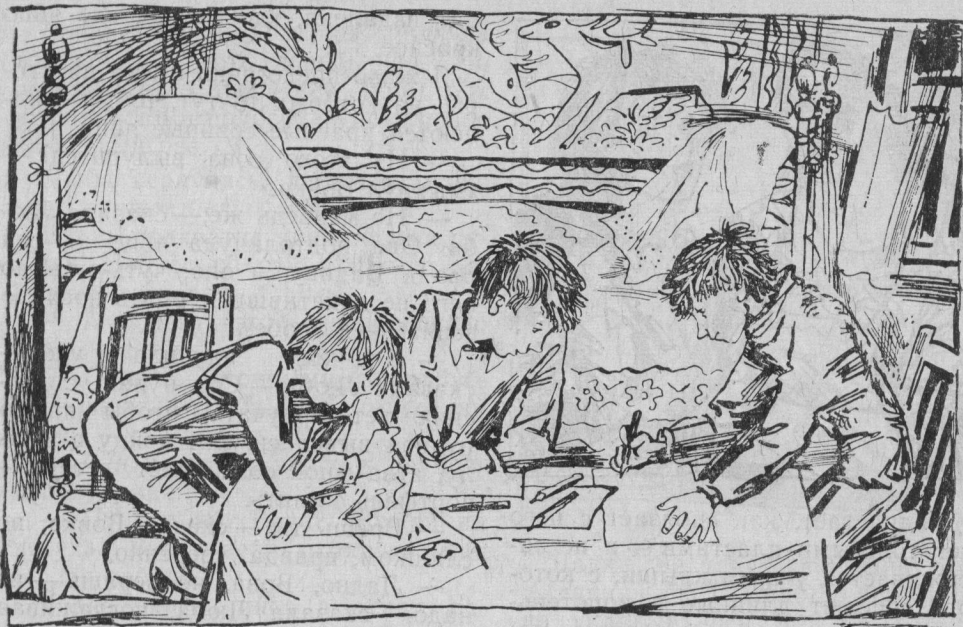
— Там ещё дядька был в кепке, — припомнил Вадик. — Я к нему на руки выпал — из поезда, из окна.

Вадик даже со стула привстал от таких воспоминаний и вытаращил глаза.

— Проснулся — где я? Дядька кричит. Мама кричит. Все кричат. И ветер горячий дует. Дядька меня в поезд заталкивает и всё приговаривает: «Ёлки-палки, ёлки-палки». А я думаю: «Какие же в пустыне ёлки? Одни кустики».

Вадик сел и начал вырисовывать кустики, а среди них громадного дядьку, похожего на верблюда.

— Хорошо что поезд тихо шёл, — вздохнул он. — А так бы я всю жизнь и прожил в пустыне.

Меня поразил дядька в кепке. Что он — заблудился? Или нарочно подстерегает поезда в пустыне и ловит детей?

— Дядька — счастливая случайность. Все так говорили, — объяснил Вадик. — Он вроде дорогу чинил...

— Ладно, — перебил Вовка. — А я недавно из самолёта выпал.

Вадик отложил карандаш и с удивлением глядел то на своего дядьку среди кустиков, то на Вовку.

— Врёшь! — сказал он наконец. — Как же ты не расшибся?

Вовка пододвинулся ко мне и обнял рукой за плечи.

— Дядька меня сразу подхватил и обратно положил — он дорогу там чинил, — пропел он, подталкивая меня в бок. — Правда ведь?

Я заёрзал на стуле. Но уж очень здорово обнял меня Вовка — как друга-приятеля.

— Да, — сказал я. — Мы как раз на другом самолёте мимо пролетали.

— Ага, Вадька Свечка! — закричал Вовка. — Сам наврали!

Вадик опустил голову. Я вдруг представил, как Вадик, маленький и беленький Свечкин, идёт по пустыне — один-одинёшенек.

— А потом мы ехали на верблюде, — сказал я, — и Вадик из поезда вывалился. Сначала-то я не разобрал, что это Вадик. А теперь его узнал.

Вовка тут же отдернул руку и отодвинулся. А Вадик как-то невесело поглядел на меня.

— Там никаких верблюдов не было — только кустики, — сказал он неожиданно. — Врёшь ты всё.

— Так?! — сердце у меня сильно застучало. — А тогда вы ниоткуда не вываливались!

— Мы вываливались, — сказал Вовка, подвинувшись на сей раз к Вадiku Свечкину. — Особенно Вадик вываливался. И я немножко. Да, Вадик?

— Да, — сказал Вадик. — Мы с Вовой часто вываливались.

— Ну и вываливайтесь дальше — хоть с луны! — сказал я.

И мы замолчали, сердито сопя над рисунками.

На улице выглянуло солнце. Лёд на окне потёк тонкими ручейками. И дом, кажется, начал расти, вылезать из снега. Хотелось выбежать из дому и глядеть со стороны, как

он подрастает, как сползает с него снег толстыми пластами — и не задерживается у края крыши, с которого свисают длинные и коротенькие, холодные и сверкающие сосульки.

— Какие вы молодцы! Художники вы мои, — зашла в комнату тётя Зоя. — Рисуйте-рисуйте! А я только в магазин, на почту... да весну потроплю. Скоро вернусь.

Хлопнула дверь, и по комнате пробежал мокрый ветер, в котором были запахи солнца, тёплой земли, ручьёв и луж.

— А вот у меня что! — раздался голос. Люба Черномордикова вытащила из кармана своего красного фартука красное яйцо. Положила на стол и подтолкнула.

Медленно, переваливаясь, покатилося оно по столу прямо ко мне. Я хотел было поймать его, но яйцо приостановилось и покатилося обратно к Любе — так же медленно, пскачивая на ходу боками.

— Что, поймал? — усмехнулась Люба. — Это яйцо не простое, — сказала она. — Оно учёное яйцо!

— Куриное, — сказал Вовка.

— Разве у курей такие яйца? Красные? — удивилась Люба. — Сам ты, Вова, яйцо куриное!

— Крашеное, — сказал тихо Вадик.

— Сам ты, Свечечка, крашеный! Это — яйцо полярной совы. Белое-то она в снегу потеряет. А так — полетает, погуляет, отдохнёт — и ви-

дит издалека, где гнездо, где яйцо красное.

Я живо представил белые просторы, на которых то тут, то там виднеются красные совиные яйца.

— Из этого сова вылупится? — хмыкнул Вовка.

— Не медведь же, — сказала Люба. Она подтолкнула яйцо на сей раз к Вадiku, и оно, чуть-чуть до него не докатившись, опять поехало вспять — к Любе.

— Кое-чему научила уже, — сказала Люба. — Сов нужно с детских лет приучать, чтобы прямо ручная вывелась. Вот пойду в школу, а за мной сова будет лететь — портфель тащить.

— Врёшь ты, — сказал Вовка, не слишком, правда, уверенно.

— Ладно, Вова, не веришь — не надо, — сказала Люба, поглаживая яйцо. — Вот высижу — тогда увидишь.

— А как ты высиживаешь? — спросил Вадик.

— Ну, как высиживаю, — улыбнулась застенчиво Люба. — Как куры. Сажусь на яйцо и грею, грею. Дело-то, в общем, простое.

Приятно было смотреть на Любу Черномордикову — какая она красивая и умная девочка. Всё умеет.

— А дай я нёмного посижу, — вдруг попросил Вадик. — Я такой горячий. Я быстро высижу!

— Да что ты! — замахала руками Люба. — Должна быть одна насадка — кто высидит, тот и мать. Я старалась-старалась, сидела-сидела, а сова за тобой летать будет? Хитер больно!

— Люба, Люба, — засуетился Вадик. — А у тебя другого яйца нету? Которое пока ещё не учёное?

Люба оглядела Вадика с ног до головы, как бы прикидывая, на что тот способен — сможет ли высидеть приличное яйцо.

— Пойду погляжу, так и быть, — сказала она и ушла на кухню.

— Вы тоже просите яички, — горячо зашептал нам Вадик.

— Люба, я тоже хочу! Мне тоже яйцо! — закричал, не удержавшись, Вовка.

Мне, конечно, хотелось яйцо на воспитание — хоть воробьиное. Но неловко было просить у Любы. Уж лучше я дома подберу — небольшое на первый раз.

Люба вернулась, держа в руках два крупных белых яйца.

Вадик подхватил яйцо обеими руками. Поднёс ко рту и шумно задышал, согревая.

— А чьи это? — недоверчиво спросил Вовка.

— Пока с куриными попробуй-те, — сказала Люба. — С ними-то попроще — домашняя птица.

— А я не хочу курицу, — заупрямился Вовка.

— Ну что ты, Вова? Обучай на петуха! Будет тебя охранять, как верная собака.

Вовка вертел яйцо в руках, осматривая его со всех сторон, как очень придирчивый покупатель.

— Только не избалуйте! На шею сядут — натерпятся, — вздохнула Люба. — Ох, нелёгкое это дело всё-го для одной пары рук.

Вовка теперь положил яйцо на стол и, придерживая пальцем, то принимался к нему, то прикладывал ухо.

— Что там? — спросил я.

— Тихо... Молчит...

Я тоже приложил ухо. Яйцо было гладкое и прохладное. И, кажется, тихонько шуршало, шумело, как морская раковина.

— Хватит, — отеснил меня Вовка. — Ты моё яйцо не подслушивай. Бери своё на воспитание — и слушай сколько хочешь!

Вадик прохаживался вокруг стола, что-то своему яйцу нашептывая.

— Люба, — сказал он. — Ты мне покажи, пожалуйста, как садиться на него ловчее.

— Глядите, — сказала Люба. Она выдвинула стул, подула на сиденье и бережно положила яйцо прямо посередине. — Это будет гнездо. Вот так. Теперь потихоньку садитесь, — Люба опустилась на яйцо. Спину она держала прямо, руки — на коленях. — Сидеть смирно. Не вертеться! — пояснила она.

Вадик, не теряя времени, тоже выдвинул стул. Яйцо у него долго не укладывалось, как он хотел — посередине. Скатывалось к краю.

— Неслух какой! Разбойник! — ворчал Вадик. Наконец он уложил яйцо и начал медленно усаживаться, глядя прямо перед собой испуганными глазами.

— Нет-нет-нет! — остановила его Люба. — Вы уж с Вовой садитесь разом. Чтобы потом никому обидно не было. А то у тебя, Вадик, курица вылупится и разговаривать начнёт, а Вова будет ещё на гнезде сидеть, дожидаться своей курицы.

— У меня не курица, а петух, — мрачно сказал Вовка. Ему попало особенно шустрое яйцо. Наверное, и правда, петушиное — каталось по всему стулу, не стояло на месте.

— Давай поддержку, — сказал я.

— Сами разберёмся, — отозвался Вовка. — У семи нянек дитя без глаза.

— Приготовились! — громко сказала Люба, когда Вовкино яйцо угсмонилось. — Внимание!

Вадик и Вовка застыли над своими гнездами.

— Раз, два — начали!

Они садились очень медленно. Так подъёмный кран опускает строительную плиту — медленно, но верно.

— Только не волнуйтесь. Всё идёт хорошо, — говорила Люба. — Вадик, ты отстаёшь — смелее!

Они опустились одновременно — раздался нежный, чуть слышный хруст.

У Вадика и Вовки сделались совершенно одинаковые глаза — круглые и глупые, как у курицы.

Они начали медленно вставать. Так подъёмный кран поднимает строительную плиту, попавшую всё-таки не на то место. Они недоуменно оглядывались и трогали штаны, на которых расплылся желток вперемешку с белой скорлупой.

— Всё получилось, по-моему, — сказала Люба, быстро встала со стула и вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Краем глаза я заметил, как её красное свиное учёное яйцо медленно, ворочая боками, катится по стулу. Я бросился на помощь. Но яйцо сорвалось. Ударилось об пол с деревянным стуком! Подпрыгнуло-подскочило! И резво покатилося под кровать, будто и в самом деле что-то соображало.

А Люба на кухне громко гремела посудой. Но всё равно был слышен её звонкий, как колокольчик, красивый и какой-то румяный смех.

В комнату влезли мягкие тёплые сумерки.

Мы все сидели за столом и пили чай. Уютно белели на кровати подушки, а на скатерти — чашки.

У оленей на коврике тоже наступил вечер. А они всё дрались. Впотьмах сверкал безумный олений глаз.

— Чего они всё дерутся и дерутся? — спросил я. — Ещё глаза повыколят!

— Кто?! — испугалась тётя Зоя.

Вадик, Вовка и Люба принялись озираться по сторонам, не веря, что кто-то ещё может драться в этот тихий чайный час.

— Да вот — олени! — кивнул я на коврик.

— Ох ты, батюшки, — вздохнула тётя Зоя. — Чего выдумал!

— Смотрите — рогами нацелились! — сказал я.

— Никогда они и не дрались, — махнула рукой тётя Зоя.

— Они соляной камень лижут, — сказала Люба Черномордикова. — Им соль очень полезна.

— Один лижет, а другой товарищей зовёт, чтобы тоже полизали, — сказал Вадик Свечкин.

А Вовка тут же забрался на кровать, поколебав гору подушек, и, водя пальцем по коврику, показывал, где камень соляной, как один олень его лижет, как другой голову поднял — остальных подзывает.

— Остальные вон там — между деревьями, — объяснил Вовка. — Они пока незаметные.

— И меня никто не замечает!

Я обернулся и увидел в дверях маму.

— Мама, ты — как охотник-следопыт, — выбежал я из-за стола.

— Ну, полетели, птички? — сказала, вставая, тётя Зоя. — До завтра.

— Да уж, наверное, до осени, — сказала мама. — Мы ведь скоро уезжаем!

Вешалка в прихожей была пустая, как осеннее дерево. Вдоль стены прохаживалась курица, замирая время от времени на одной ноге, будто вспоминала о чём-то важном, да никак вспомнить не могла.

В прихожей было тесно, потому что все вышли туда — Вадик, Люба и Вовка — и смотрели, как мама медленно открывает дверь.

Мне вдруг стало очень жалко оставлять белую курицу, и я погладил её на прощание по крылатой спине.

СТИХИ О ЗИМЕ

Геннадий МОРОЗОВ

Наталья ИЩУК

ЕЛИ ЗАШУМЕЛИ

Закачались сосны,
и под свист метели
весело и грозно
ели зашумели.

Лбами сибились тучи,
звякнул лёд на речке.
И огонь певуче
потянула печка.

Помрачнели тучи,
опустились ниже.
Рощу по-над кручей
колкий снег колышет.

И чем ниже тучи,
а метели злей —
жжёт огонь летучий
печку горячей!

СНЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ

Надевают
валенки
ребятишки
маленькие,
а потом
с разбегу
прыгают
по снегу!
— Из него,
пушистого,
лёгкого,
хрустящего,
мы возьмём
и выстроим
крепость
настоящую!

Инна МАКАШОВА

В ШКОЛУ

Дворник встанет раньше всех,
Чтоб сгребать лопатой снег.

Половицы запоют,
Значит, брату в институт.

За стеной скулит щенок,
Ниже лает чёрный дог...

Снег скрипит, скрипит,
Поскорей встать велит.

Рис. Г. Ясинского

Владимир ЧУРНОСОВ

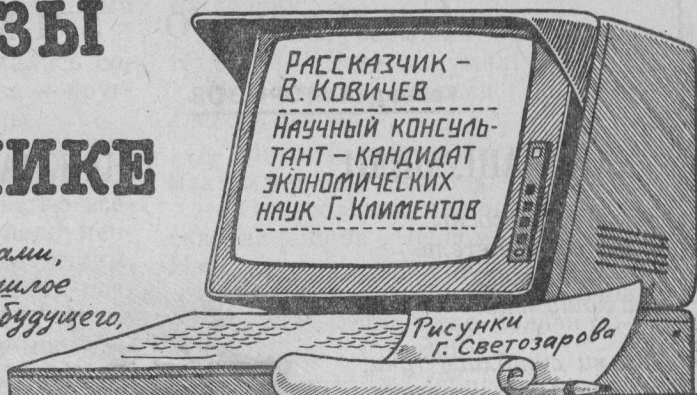
* * *

Вы этой веточке поверьте.
Вы помните, вчера она
Ещё была заключена
В упругой почке, как в конверте.

И вот уже листком рябины
Она лепечет надо мной,
Что зря грозил мороз зимой
И что весна — необорима.

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

РАССКАЗ ВТОРОЙ

ТРОПОЮ ПАСТУХА, ИЛИ САМЫЙ ПОСЛУШНЫЙ ПРОДУКТ

ДЕЛЁЖ

(Из далекого прошлого
Homo faciens)

Помните предыдущий рассказ? Помните, какими разгневанными оставили мы наших предков? Ещё бы! Ведь Лохматый сорвал охоту, и племя осталось без добычи, без еды.

А теперь представьте себе другую картину.

...Мужчины возвращаются, тащат на плечах толстый шест, прогибающийся под тяжестью окровавленной туши красавца-оленья. Их глаза светятся от азарта счастливой охоты. Женщины подбрасывают валежник, чтобы пуще выиграл костёр. Пляшут вокруг охотников подростки. Все радуются общей добыче, все предвкушают общий ужин. Общая жизнь, общая судьба...

А как добыча делилась?

По справедливости, но вряд ли на всех поровну. И сегодняшнему первокласснику трудно разделить яблоко на четверых. Каково же было первобытному роду делить на всех поровну, скажем,

тушу оленя? Кто сильнее, тот съедал лучший кусок, кто послабее — то, что оставалось, а кто совсем слаб — тому объедки. Но каждому что-то доставалось обязательно.

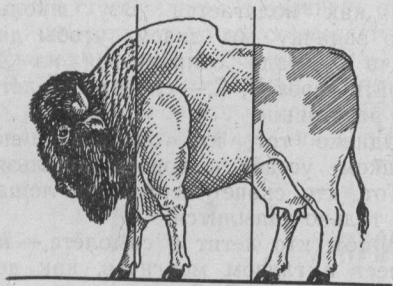
И это, действительно, было справедливо. Сильный тратил сил больше, он имел право на лучший кусок, чтобы хватило сил на завтрашнюю охоту. Этому учила природа. Так жили и хищники: лев ел мясо и оставлял шакалу требуху, но ведь это лев валил барана, и шакал не был в обиде, он тоже наелся.

Всё дальше приходилось забираться в чащобу в поисках злаков и плодов. Всё дальше убежала распуганная дичь, всё искуснее пряталась, изучив повадки человека. От еды до еды время заполнялось поисками всё той же еды. И все оставались равны, потому что все были нищи.

Необходимость в Продукте держала людей вместе. Их объединялось ровно столько, сколько необходимо было для его производства. Выходило: не меньше рода,

не больше племени. Продукт всё измерил и всех примирил.

А жить лучше хотелось. И человек мечтал... Он мечтал о вечном злаке, который растёт рядом со стойбищем, растёт тем гуще, чем больше народу в племени, чем больше хочется есть. Сорвёшь его — и вырастает снова, добрый, послушный, пышный злак... Человек мечтал о вечном мясе, которое не надо отчаянно искать по лесам, выслеживать и гнать, убеждаясь, что олень бежит быстрее, а кабан, не сваленный первым копьём, — это твоя смерть. Вечное мясо в образе покладистого зверя само идёт к ужину в стойбище людей, склоняет покорную голову: «Убей меня!» — и на завтра появляется вновь...

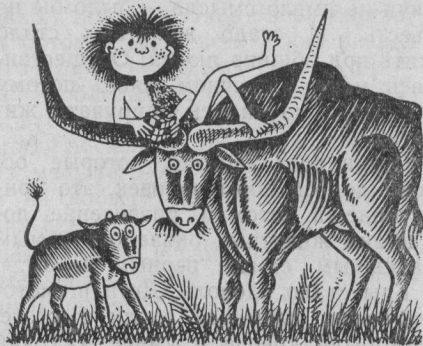

Мечтал человек... А поскольку, по первобытной своей простоте, он ещё не научился хранить про себя пустые мечты, боясь быть осмеянным, то и не хранил — высказывал.

И какая-то старуха, стерегущая огонь, утомлённая старостью и ожиданием уже близкого приговора общины, пела песню, чтобы занять себя чем-то за нудным толчением зерна, пела песню о вечном злаке и вечном мясе.

И какой-то мальчик, какой-то несмышлёныш, который по хилости выросел медленнее сверстников, а потому постоянно ползал подле бабки и ничего, кроме песни её дурацкой, знать не знал и слышать не слышал, вырос, бедняга, заражённый бабкиной мечтой.

И вот однажды...

ПЕСНЯ О МЯСЕ И ЗЛАКЕ

(Первое знакомство
с нестареющим Мальчиком)

Вот и возник в нашем рассказе нестареющий Мальчик. Мальчик как мальчик. Как все мальчики в первобытном обществе. Его не надо было приучать к труду, он включён в процесс общественного производства уже тем, что живёт в этом обществе. Он растёт Человеком производящим, и производящим всё больше по мере того, как растёт.

Так вот, однажды отправился Мальчик копать сладкие корни. Ковырялся недалеке от стойбища один, потому что его родные и двоюродные братья были порезвее и забирались в чащобу подальше. И тут-то он наткнулся на одинокую буйволицу.

Надо было шмыгнуть в кусты, кликнуть старших с копьями — такая удача! Но он вспомнил бабкину песню. Как в песне о вечном мясе, покладистый зверь сам шёл к людям. Мальчику не хотелось спугнуть мечту. Он протянул буйволице сладкий корень, она сжевала корень и продолжала глядеть на Мальчика благодарными глазами. Он скормил ей всё добытое — благо уже привыкли, что этот хиляк часто возвращается с пустыми руками.

И Мальчик стал ходить на поляну ещё и ещё. И буйволица привыкла, что здесь её подкармливают сладкими корнями. А через год она появилась на поляне с телёнком. А когда с ней пришло целое стадо, таиться уже не имело смысла.

Прибежали охотники, но опустили копья. Убивать сразу столько

дичи не имело смысла — было бы не съесть. И стадо животных стало жить при общине людей. Осуществилась мечта о вечном мясе, потому что люди научились приручать животных.

Среди всех занятий, которые освоил до той поры человек, это приручение, а потом и разведение домашних животных оказалось самым надёжным, самым верным делом.

Еды стало вдоволь. Дети в скотоводческих племенах росли быстрее. Они были крепче и умнее, так как получали столь важную для дет-

ского организма молочную пищу. Скот давал не только мясо и молоко, но и шерсть, кожу. Развивались ткачество и выделка кож. Развилось и полеводство — люди стали выращивать корм скоту, а потом — и себе.

Но это всё — подробности.

В чём преимущества скотовода перед охотником, рыболовом, сборщиком плодов? Они очевидны настолько, что и перечислять не стоит. Главное — скотоводство обеспечило неизмеримо более высокую ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

Производительность труда

Есть такой старинный анекдот. Шёл человек в храм Афины. Шёл издалека и в первый раз. По дороге повстречал уже возвращавшегося старого паломника.

— Далеко ли до храма? — спрашивает путник.

А старик лишь недоуменно пожимает плечами и молчит.

Удивился путник: «Идёт из храма, а не знает: далеко ли он». Однако делать нечего — пошёл дальше. Но едва сделал несколько шагов, старик его окликнул:

— До храма два часа ходьбы.

— Что же ты сразу не сказал? — возмущился путник.

— Я не знал, с какой скоростью ты будешь идти, — спокойно ответил старик...

И ведь правда: далёк или близок путь к цели, зависит от того, насколько быстро ты к ней идёшь.

Тут нам нужно вспомнить, что и труд — целенаправленное действие. Значит, можно изобразить трудовой процесс (чисто схематически, конечно) как путь к какой-то заранее намеченной цели.

Вот пункт А — начало труда, а вот пункт D — Продукт, изделие, ради которого трудимся. Ну, естественно, между ними точки — В, С, — всё как полагается. Эту школьную задачку мы знаем: чтобы достичь D, надо отправиться из А, пройти через В, С, — словом, одолеть всё расстояние.

Однако тот, кто одолевает его пешком, устает в дороге донельзя.

Тот, кто скачет верхом на лошади, только запылится.

А тот, кто летит в самолёте, — не успеет и глазом моргнуть, как достигнет пункта D. За то время, пока от точки до точки будет ковылять пешеход, он сможет сто раз обернуться туда и обратно и добудет не только D, но и D₁, D₂... D₁₀₀. А расстояние — то же самое, а время для всех тянется одинаково, и все одинаково нуждаются в этом D, ради которого отправились они из начальной точки.

Теперь представь: встретились все в конце маршрута.

«Пешеход» своё D за пазухой хранит, ещё и руками придерживает — не дай бог потеряет.

«Всадник» — ничего, выложил D и потихоньку от него отщипывает, силы подкрепляет.

А тот, который с самолётом, он своими D хоть швыряться может — у него их завались. Но швыряться он не станет — не ради этого затевал трудовой процесс. Прикинув, что да как, обращается он к «пешеходу»:

— Слушай, неужели тебе одного D хватает?

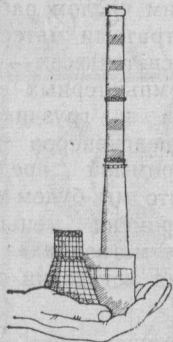
— Что ты, — говорит «пешеход», — того и гляди ноги протяну. Но второго уже не добыть — день-то на исходе.

— А тебе, «всадник»?

— Нет, конечно. Но я сегодня успею добыть ещё одно D.

— А может, поступим по-другому? Я сейчас, «пешеход», дам тебе ещё одно D из своих, и тебе, «всадник», — два D. Но зато завтра вы день потратите не на то, чтобы себе D добывать, а помоете мне самолёт и заправите его горючим, и мои оставшиеся D поسته-режёт.

Так и сговорились. И назавтра оба уже зависели от этого, с самолётом, поскольку сами себе они D — то есть Продукт — не добыли. И потому рассердить этого, с самолётом, боялись, спорить с ним — ни в коем случае...

Почему между этими тремя возникло такое жуткое неравенство? Да потому, что у всех у них разная производительность труда. У обладателя самолёта она была в сто раз больше, чем у «пешехода», поскольку он тратил в сто раз меньше, чем «пешеход», времени на добычу одного Продукта за один день.

Именно так и измеряется производительность труда: либо количеством Продукта за единицу времени, либо количеством времени, необходимого для производства одного Продукта.

Составленная нами задачка показала (схематично, конечно) не только, как измеряется производительность труда, но и за счёт чего она в первую очередь растёт, и какую роль этот рост играет в отношениях между людьми.

Высокая производительность труда позволяет добыть намного больше Продукта, чем необходимо для удовлетворения собственных потребностей. Это может быть великим благом для общества. А может — и источником имущественного неравенства.

Цифры по поводу слов ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Можно ли построить атомную электростанцию, завод, тысячекилометровый газопровод, не привлекая новых рабочих, инженеров, техников?

Оказывается — можно.

Если каждый на своём рабочем месте будет делать больше, то освободятся лишние рабочие руки, с помощью которых и строятся новые электростанции, заводы, газопроводы...

В прошлой пятилетке за счёт повышения производительности труда удалось сэкономить труд 15 000 000 человек. Это, примерно, вдвое больше общего числа рабочих, кре-

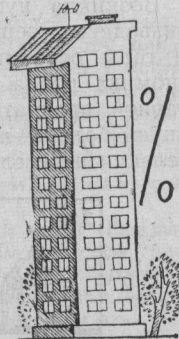
стьян и служащих такой республики, как Казахстан, занимающей 1-е место в стране по производству ряда металлов, 3-е — по добыче угля и выработке электроэнергии. Можно прикинуть, чего бы мы лишились, не будь такого роста производительности. Впрочем, экономисты уже прикинули: 64—69 миллиардов рублей.

За десять лет, с 1970-го по 1980 год, производительность труда в нашей стране увеличилась почти в 1,5 раза.

Если производительность труда будет расти всего на 1% быстрее, чем растёт сейчас, сумма экономии от этого будет достаточна, чтобы построить новые 4 млн. квартир.

Каждые 8-9 новых станков, машин, домов, тракторов, костюмов, банок консервов в нынешней пятилетке будет получено исключительно за счёт повышения производительности труда.

С древности до наших времён повышение производительности труда — основное условие прогресса. В связи с этим нам понадобилось в слове новое слово:

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ

Начнём издалека.

Строителям древнеегипетских пирамид не приходилось заботиться о повышении производительности труда и прочих сопутствующих проблемах. Мало ста тысяч рабов? Пожалуйста — пригоним ещё двести. Кончились запасы в каменоломне? Не беда — выроем другую. И сроки фараона особо не поджимали. Фараон, едва взойдя на престол, тут же начинал строить себе гробницу. Времени — вся его жизнь.

А у первобытных народов?

Когда стадо вытаптывало одно пастбище, кочевник переходил на другое, вытаптывалось другое — переходил на третье... И так до тех пор, пока не забирался в границы кочевья другого рода — тогда могла возникнуть и война.

А фермер, например, современной Дании такого простора лишён. Его скот пасётся только на его лугу, так что ему за лугом приходится следить лучше, чем кочевнику за пастбищем. Ему приходится нанимать работника, чтобы успеть управиться в полевой сезон. Он должен купить трактор, чтобы повысить производительность труда. Возможно, он для этого продаст часть своей земли, тогда оставшуюся обрабатает лучше. Экономически это оправдано...

Когда партия и народ в 20—30-е годы начали налаживать в отсталой России мощную индустрию — мы построили Магнитку и Турксиб, тракторные и автомобильные заводы. Возникла нужда в увеличении производства зерна — в послевоенные годы освоили целину. Наша экономика росла вширь. Страна из аграрной превратилась в индустриальную, больше половины сельского населения переселилось в города.

Сегодня расти вширь уже невозможно. Нужно расти вглубь. В этом суть интенсификации. Интенсификация — это когда экономика развивается не за счёт того, что ещё больше людей в ней участвует, ещё больше заводов на неё работает, ещё больше полей и шахт её кормит. Интенсификация — это когда те же заводы, фабрики, шахты, поля и люди выдают продукции больше и лучше.

А разве раньше к этому не стремились? Конечно, стремились всегда. Но сейчас интенсификация — путь единственный.

Программа ускоренного роста в нынешней и будущей пятилетках, разработанная учёными, партийными и советскими работниками, коллективами 330 предприятий Ленинграда, названа «ИНТЕНСИФИКАЦИЯ-90». В ней предусмотрено переложить на плечи роботов и автоматизированных систем большую часть тяжёлого и монотонного труда, который приходится ещё выполнять людям, наладить выпуск лучших изделий меньшим числом рабочих с меньшими затратами материалов. Программа коснётся всех — от проектировщиков компьютерных систем до дворников и грузчиков овощных баз, от пенсионеров до школьников. Программой предусмотрено даже то, что мы будем на 10—15 процентов времени меньше тратить на покупки в магазинах, что исчезнут очереди для установки телефона...

Нельзя не вспомнить, что интенсификация в странах Запада привела к массовой безработице и росту прибылей монополий. Это естественно, ведь две трети состава конгресса США, например, — представители монополий. А у нас в Верховном Совете СССР большинство представителей — сами рабочие.

=

=

У КОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ВЫШЕ?

Ответы на загадки, помещенные
в рассказе первом

КАК НИКОЛАЙ ЭКОНОМОВ ПРИУЧАЛ СЕБЯ К ТРУДУ

Напоминаю. Николай Экономов должен был разогреть обед к приходу мамы с работы. Он решил потрудиться по-настоящему и добыть огонь трением, как это делали наши предки. Спрашивалось: какую экономическую ошибку он совершил?

Итак, сверяйте с вашим вариантом ответа.

Действительно, для древнего человека само добывание огня — это был труд. А для Николая Экономова — нет. Труд — целенаправленная деятельность. Какая же цель — добывать огонь трением в современной квартире? Это — просто баловство. Николаю достаточно было чиркнуть спичкой, чтобы зажечь газ и согреть обед. Суть не в том, чтобы сил больше потратить, а в том, чтобы дело сделать.

КАК НИКОЛАЙ ЭКОНОМОВ ОРГАНИЗОВАЛ ИГРУ В ПРОИЗВОДСТВО

Напоминаю. Николай Экономов организовал малышей во дворе для игры в производство — решил построить снежную крепость. Были у них и предметы труда (снег), и средства труда (лопатки, санки), а крепость не получилась. Спрашивалось: в чём заключалась его экономическая ошибка?

Вот правильный ответ. Каждый из ребят трудился сам по себе, каждый из них слепил по снежному кому, но между участниками процесса производства не возникло производственных отношений, вот и не вышла снежная крепость.

Отгадай старую загадку: «Пришёл волк — весь народ умолк».

Что это за волк? Ну...

Правильно! Это ночь. Ночь, почной мрак олицетворялись у наших предков славян образом волка. А раз тьма, тень, значит, этот волк очень напоминает того, что смотрит сейчас на тебя со светлого экрана на стене.

Как его сделать?

Очень просто. Сложи ладошки так, чтобы кончики пальцев одной руки приходились на кончики пальцев другой. Отведи вниз сложенные мизинцы, чуть-чуть согни сложенные безымянные и средние пальцы. Пасть волка готова. Указательный палец левой руки загнут и лежит на кисти правой руки, а указательный палец правой — на левой. Большие пальцы соединены и подняты вверх так, чтобы их верхние фаланги расходились в разные стороны. Это уши волка. Посмотри на стену. Получилось?

Вот он, волк! Морду вверх задрал — овец и козлят высматривает. Древние славяне волком называли и тёмную грозовую тучу, которая застилала на голубом небе белые облака — небесных овец, коз, телят. Про него, волка-похитителя, сказка, которую ещё в прошлом веке записал А. Н. Афанасьев.

Послушай.

...Жил старик со старухой. У них было пять овец, шестой жеребец,

седьмая тёлка. Пришёл к ним волк и стал петь песню:

*Жил жилец,
На кустике дворец,
У него пять овец,
Шестой жеребец,
Седьмая тёлка.*

Говорит старику старуха:

— Ох, какая песня славная. Дай ему, старик, овечку...

ВОЛК

Старик овечку дал, волк её съел, опять с этой песней пришёл. И ходил до тех пор, пока не съел всех овец, жеребца, тёлку и старуху. Остался старик один. Волк и к нему пришёл с этой песней. А старик взял кочергу — и ну ею волка возить. Бежал волк и с тех пор к старику ни ногой. А старик остался горемычный один, горе мыкать...

Видишь, какие древние истории приносят с собой актеры нашего театра?! Недаром считается, что тене-

вой театр такой же древний, как ку-кольный.

Но не только волк в народных легендах был наделён властью над тьмой и тенью.

Сложи теперь руки по-другому: левую руку поставь козырьком, боком к экрану. Четыре пальца вытяни прямо вперёд, а большой чуть отведи, вытяни параллельно четырём. Правую кисть положи на левую сверху, только мизинец подбери под безымянный и средний пальцы. А большой — оттопырь вверх. Он торчит... как ушко у свиньи. Да это как раз свиная морда и вышла!

Удивляешься, что свинья попала в подружки к волку?.. Не может, мол, такого быть! Что-то наши предки напутали!..

Нет, ничего они не напутали. Вот подует ветер, пригонит злодейку-тучу, рассыплется она громами и молниями, разобьётся о землю дождём, выступит из-за неё и засияет солнце.

«Это свинья землю рыла, урожай нарывала», — могли бы сказать про грозу наши с тобой древние предки. И была в их преданиях свинья грязной да чёрной только с виду.

Вот послушай сказку.

...Когда-то это было. Очень давно. Звери тогда разгуливали по земле без боязни. Жила в те времена свинья красоты неописуемой: один бок у неё был золотой, а другой — серебряный. Идёт она по земле, боками поводит, а вокруг неё сияние разливается.

СВИНЬЯ

Ходила она по земле, ходила, но однажды споткнулась. Споткнулась да и бух! — в грязь. Выпачкалась... как свинья!

С тех пор времени утекло много, но свинья так отмыться и не может. Ходит по земле, боками поводит по-прежнему, а сиянья нет как нет. Только память и осталась о той красавице-свинье. Недаром её в сказках называют часто Свинкой — Золотой Щетинкой.

В каждом театре есть музей. Решили открыть музей и мы. И на нашей первой экскурсии вы познакомитесь в нём с удивительными марионетками из Индонезии — с острова Ява. Они — герои и актеры самого известного в мире теневого театра — театра ВАЯНГ.

Посмотри на них. Правда, удивительные создания? Даже не понять сразу: то ли это хищные птицы, то ли экзотические цветы, то ли пародии на человеческие фигуры... А вот когда они оживают в руках режиссёра и рассказчика — он в Индонезии называется даланг, — то начинается длинное-длинное представление...

ДРЕВНИЙ СОН ОСТРОВ ЯВА

Это представление действительно похоже на сон.

Во-первых, потому что играют его только ночью. Во-вторых, потому что только во сне можно увидеть такой спектакль: тени марионеток парят по экрану, словно хищные птицы. У одних — высоченные головные уборы, у других — крылья, и на всех — странные узорчатые одежды. А длинные руки на неподвижном, повернутом в профиль к зрителю, теле марионеток живут своей собственной жизнью. Руки танцуют, благословляют, сражаются, и кажется, что это не руки, а ожившие лианы из тропического леса выются и цепляются за людей.

Итак, Ваянг — театр теневой. Почему же в музее выставлены марионетки? Да потому, что тень на экран должно ЧТО-ТО отбрасывать, а это что-то в ваянге и есть марионетка.

Когда яванские мастера создали первую марионетку ваянга — не

знает никто. Уж очень давно это было. Давно придумана и «одежда» марионеток. И до сих пор индонезийцы, видя, как «одета» кукла, сразу узнают, кто она, — герой Ардьюн, князь Барата или другой персонаж древнеиндийского эпоса.

Сами марионетки, как вы уже знаете, неподвижны, а вот руки на их теле управляются специальными тростями-палочками. Один конец трости держит в руке даланг, а другой — прикреплен к рукам фигурки. Вот даланг прижал к экрану одну марионетку, вот взял в руки другую, третью... и так до бесконечности, потому что марионеток в «труппе» ваянга от ста... до пятисот.

В деревнях показывают представления (их называют локоны) из ста — ста пятидесяти героев, во дворцах — из нескольких сотен. И вот что интересно: локон смотрели с двух сторон экрана. С одной стороны — женщины, с другой — мужчины. Женщины видели только узорные тени, перемещающиеся по белому полотну, а мужчины — марионетку во всем её роскошном убранстве.

Прошли века. Ваянг жив, его искусство и сейчас передаётся в Индонезии из поколения в поколение.

Но знаешь ещё что интересно?

Древний яванский теневой театр очень пригодился советским кукольникам в начале XX века. Тростевые куклы, которых ты видишь в Большом театре кукол в Ленинграде или в театре кукол Сергея Образцова, «сделаны по принципу... марионеток ваянга. Для управления их руками

и головой кукольники приспособили специальные трости, весьма напоминающие те, что приводил в действие даланг десятки веков тому назад.

А в заключение нашей экскурсии скажем, что увидеть яванские марионетки воочию ты можешь в Ленинграде, на Университетской набережной, дом 3, в Музее антропологии и этнографии народов мира.

Сходи туда, не пожалеешь!

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Итак, в сегодняшнем домашнем задании вы должны будете сами сделать фигуры волка и свиньи. Посмотрите ещё раз внимательно на картинки, в каком положении находятся ваши пальцы-актеры.

Посмотрели, попробовали!

А теперь пусть потрудится ваша голова — придумывайте про волка и свинью сказки и присылайте нам.

Мы ещё не успели получить ваши письма со сказками про бабочку и утку. Но вот какой случай произошёл в нашей редакции, когда мы готовили к печати этот номер «Искорки».

Раздался телефонный звонок.

— Алло! — подняли мы трубку.

— Здравствуйте, — сказала девочка. — Я сказку придумала. Можно рассказать?

— Конечно! — обрадовались мы и записали, что она рассказала.

— Сначала, — сказала девочка, — ничего ещё не было. Просто на сучке сидела куколка бабочки. И вот вместо неё появилась бабочка. Она расправила крылья и полетела. А дело было

летом и на даче. Бабочка поэтому сначала на солнышке погрелась, потом с цветка на цветок, с ветки на ветку — и прилетела к дому. Потом над огородом стала виться. А в том огороде гуляли утки. Одна из них клюв раскрыла, хотела бабочку съесть. Но бабочка улетела.

Опять бабочка летит-летит, к другому дому подлетела. В нём щенок жил. Он бабочку увидел и стал с ней играть. Бабочка летает, а он за ней — прыгает, лает, но поймать не может. Так весь день и играли. Весело было...

Рассказала нам девочка эту сказку и спрашивает:

— А собаку в вашем театре сделать можно?

— Можно! — сказали мы.

— А как её делать?

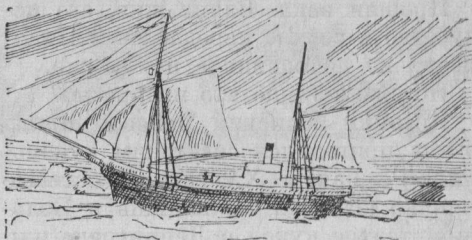
И мы рассказали девочке по телефону, как сделать на экране собаку. А вам расскажем об этом в следующем номере «Искорки».

Ждём от вас писем со сказками — про бабочку, утку, волка и свинью.

Теперь прощаться пора. До встречи в Театре теней!

Рис. Л. Московского

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. Н. Котляревского

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

Как далеко от Северного полюса до Южного, знает каждый. Северный полюс — в Арктике, Южный — в Антарктике, между их белоснежными куполами — голубые моря, желтые пески пустынь, каменные громады гор... Коротенькая приставка «ант» в слове «Антарктида» означает «противоположный». Словом, никогда полюсам друг с другом не встретиться.

Не встретиться?

А вот они и встретились и живут сейчас под одной крышей у нас в Ленинграде. Принял их в свои стены единственный в мире музей — Музей Арктики и Антарктики. На первом этаже музея разместились экспонаты, связанные с открытиями и освоением Арктики, на втором — Антарктики.

Каждый музей интересен по-своему. В одних живёт неоглядное царство природы, в других — великое искусство, в третьих — мастерство рабочих рук. Музей Арктики и Антарктики — ещё и свидетельство огромного мужества. За каждым экспонатом стоит подвиг! Да иначе и быть не могло — суровы полярные края, покрыты вечными льдами, скованы лютыми морозами. Но издавна манили они к себе отважных. Шли они пешком, ехали на собачьих упряжках, скользили среди льдов на вёслах и под парусами, летели на дирижаблях и самолётах... Люди хотели победить и снег, и стужу, пройти путями, где ещё не ступала нога человека, и узнать, что там — среди вечных льдов?

В центральном зале музея медленно вращается огромный сегмент глобуса с Северным полюсом на вершине. Вокруг него лёд. Только лёд! Его белёсые глыбы вторгаются в Баренцево море, почти полностью закрывают Карское море Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское... Две дороги предлагала Арктика отважным. Одна — вела вдоль берегов материка к Тихому океану. Она нужна была для мореходства, для торговли, для освоения далёких земель. Попробуй найди среди белых полей щёлочку, чтобы пройти вдоль берега!.. А как был нужен этот Великий Северный морской путь!

А ещё Арктика и Антарктика предлагали дорогу к полюсам. Эта дорога привлекала учёных. Не меньше было любителей путешествий и рекордов. Ведь это очень заманчиво — первым ступить на Северный полюс! Или на Южный!

Вот и мы с вами — от одного музейного экспоната к другому — пойдём двумя этими дорогами. Будем знакомиться с Арктикой и Антарктикой.

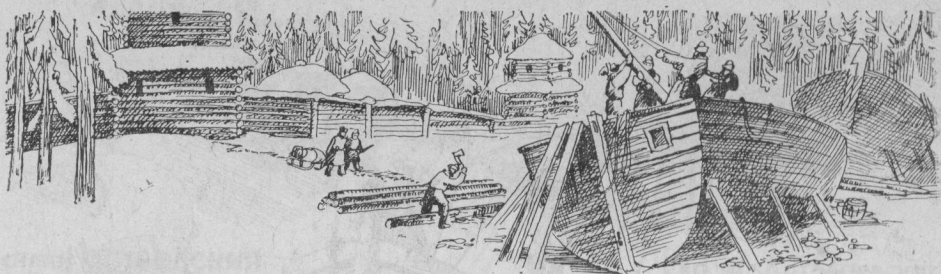
Ещё в XI—XII веках пошли на штурм «Студёного моря» новгородские дружинники и смерды. Поселившись на его берегах, начали они промыслять морского зверя, ловить рыбу. Добрались на утлых судёнышках до далёкого Грumanта, как тогда называли остров Шпицберген, а ещё раньше — до лежащей поближе Новой Земли. И когда-то «неведомые землицы» становились ведомыми, пути-дороги к ним передавались из поколения в поколение, добавлялись к ним новые морские и ледовые тропы — к землям Сибири и далее до Чукотки.

А в середине XVII века отправился в морское путешествие казак Семён Дежнёв. Стал он мореплавателем совершенно неожиданно для себя — жил в Якутии над рекой Оймякон и не был ни путешественником, ни открывателем новых земель. Он собирал с местных жителей ясак — пушной налог, но по скалистым горам Северной Якутии пробираться было трудно и долго. Вот и решил он идти на восток «морем вперёд», как о том докладывал. Обещал на новой, по слухам разведанной реке Анадырь собрать семь сороков соболей.

Застучали над рекой Оймякон топоры. Это казаки строили кочи — мореходные суда. Шили из оленьих шкур паруса, ладили из ремней снасти, к деревянным якорям привязывали тяжёлые камни. Крепкими получились казацкие кочи — до двух тысяч пудов поднимали! Повёл Семён Дежнёв кочи те из Оймякона в реку Индигирку. А по ней — в море.

20 июня 1648 года покинули Нижне-Колымск семь кочей и пошли они к «великому морю-океану». Трепали мореходов жестокие бури, из семи осталось лишь пять кочей, когда показался впереди Большой Каменный Нос. «...И тот нос вышел в море гораздо далеко...» — писал потом Дежнёв в донесении. Обогнуть его сумели только три коча. Остальные побила новая буря. Вскоре из трёх остался один. Долго носили его по волнам шальные ветра, потом отпустили, выбросили «на берег в передний конец за Анадыр реку». К устью реки казаки добирались уже на лыжах. Брели десять недель. Из всего отряда уцелели двенадцать человек.

В ту пору Семён Дежнёв не знал, что довелось ему стоять на самом краешке огромного Евразийского материка, на уступе, который люди так и назовут — мысом Дежнёва.

В Музее Арктики и Антарктики стоит сейчас бронзовый портрет Семёна Дежнёва. Он изображён во весь рост — таким, каким стоял тогда на мысу. А поскольку «чертёж», сделанный когда-то самим Дежнёвым, затерялся, а учёные сумели во всех деталях восстановить его путь, на стене в музее висит схема-карта, которая рассказывает о знаменитом путешествии русского землепроходца.

И на соседней стене музея висит карта. И ещё, и ещё!.. Пунктирные линии на них — как следы по заснеженной тайге и тундре. А рядом написаны имена кораблей и первооткрывателей. Витус Беринг. Алексей Чириков. Дмитрий Лаптев. Степан Малыгин. Руал Амундсен. Фритёф Нансен. Георгий Седов... Портреты. Документы. Вещи полярников. Тихо, спокойно лежат они, но если прислушаться — расскажут о себе очень интересно.

В конце прошлого, в начале нашего века кто только не стремился покорить Северный полюс!

А в 1912 году о своём желании отправиться в поход к Северному полюсу заявил лейтенант российского флота Георгий Яковлевич Седов. В рапорте на имя начальника Главного гидрографического управления он писал: «Горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявились ещё во время Ломоносова и не угасли до сих пор. Мы пойдём в этом году и покажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

Г. Я. Седова в России уже знали по его экспедициям на Колыму и Новую Землю. Астрономическое и Географическое общества приняли Седова в число своих действительных членов. Это был настойчивый, волевой человек. Такие люди не бросают слов на ветер.

Однако к желанию полярника достичь Северного полюса отнеслись по-разному: царский двор — равнодушно, морское ведомство — недоуменно (дескать, флоту российскому полюс ни к чему), промышленники — отрицательно (доходов, мол, от подобного похода не будет).

В газетах появились сообщения: «С разрешения Господина Министра Внутренних дел... открыт сбор пожертвований на организацию экспедиции капитана Георгия Яковлевича Седова к Северному Полюсу».

Для плавания было выбрано судно «Святой мученик Фока», немало уже поплававшее в арктических водах. Знакомы ему были волны Гренландского, Белого, Карского морей, берега Новой Земли и Шпицбергена. Правда, был «Св. Фока» неказист, весьма грязен и насквозь пропах ворванью — тюленьим салом, но Седова радовали прочность его дубового корпуса, надёжность форштевня, крепкие паруса.

В поход с собою Седов взял студента-географа В. Ю. Визе, геолога М. А. Павлова, ветеринарного врача П. Г. Кушакова, художника

Н. В. Пинегина. Ещё в Петербурге приехал к Седову с Дальнего Востока бывший золотопромышленник Григорий Линник, и его взял с собой Седов — опытный каюр экспедиции был нужен. Уже в Архангельске в домик, где остановился Седов, постучался лоцманский ученик Александр Пустошный, попросился в экспедицию.

— Молодой вы ещё очень, — засомневался Седов.

— Зато крепкий! — тут же отозвался Пустошный.

И он стал членом экспедиции.

25 августа 1912 года «Св. Фока» вышел в море. На пятые сутки встретился с торосистыми льдами Баренцева моря. Пришлось сменить курс, идти вдоль берегов Новой Земли к мысу Желания.

На карте Севера есть сейчас бухта Фоки. Она получила своё имя в честь седовского судна. В этой безымянной тогда бухте вмёрзший в лёд «Св. Фока» прозимовал почти целый год. Часть людей из экспедиции пришлось отправить обратно. Лишь следующим летом льды отпустили «Св. Фоку», и он снова ринулся на север — к Земле Франца-Иосифа. Там на широте мыса Муррей седовцев вновь встретили льды...

...Георгия Яковлевича разбудил стук в дверь каюты. Вошёл механик Зандер.

— Уголь кончился, — глухо объявил он. — До крошки подобрали.

Предстояла ещё одна зимовка.

Была она тяжелее первой. Всё меньше оставалось продуктов. Началась цинга. Первые её признаки почувствовал и Седов. И тогда он принял решение: идти к полюсу на собачьих упряжках. Втроем: Седов, Линник и Пустошный. Остальным было сказано:

— Ожидайте нас в августе.

На календаре был обозначен день 15 февраля 1914 года. Точнее — ночь. Полярная ночь 15 февраля 1914 года.

Трое людей, двое нарт, в каждую из которых было впряжено по дюжине собак, начали свой поход к полюсу.

Это был последний поход Георгия Седова. Он умер в пути. В этот день стоял шестидесятиградусный мороз. Возле палатки замёрзли четыре собаки...

Линник и Пустошный потянули нарты с телом капитана к острову Рудольфа, к его высокому скалистому берегу. Выдолбили киркой неглубокое ложе. Из двух лыж, на которых Седов хотел дойти до Северного полюса, соорудили крест. Положили на могильный холм российский флаг...

Сейчас захоронение отважного полярника выглядит иначе. Над его могилой поставлен укрепленный камнями столб, в верхней его части написано — «Седов». А флаг, что был возложен на его могилу, хранится в Музее Арктики и Антарктики. Рядом с полотнищем стоит древко. Когда-то Седов мечтал воткнуть это древко в снег Северного полюса. И представьте — оно побывало там!

...В 1972 году судостроители Балтийского завода имени С. Орджоникидзе создали огромный трёхвальный турбоэлектроход с атомным двигателем «Арктика» (с 1982 года он носит имя «Леонид Брежнев»). В августе 1977 года этот могучий ледокол достиг Северного полюса!

Когда ледокол, собираясь в далёкий путь, был ещё в Ленинграде, его капитан Ю. С. Кучиев пришёл в музей и попросил доверить ему древко сеговского флага. Временно. На один рейс. Просил направить старое древко «в командировку».

Музей согласился с просьбой капитана.

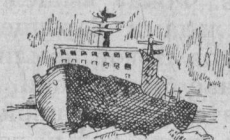
На подходе к полюсу Ю. С. Кучиев прикрепил к древку полотнище Государственного Флага СССР, и старое древко сослужило предназначенную ему службу: распахнуло над Северным полюсом алое полотнище с серпом и молотом в верхнем углу.

Внуки отважного полярника Георгия Яковлевича Седова осуществили начатое им, дошли до его мечты.

Потом древко вернулось в Музей Арктики и Антарктики.

А могучий ледокол и ныне продолжает свою службу в Северном Ледовитом океане.

(Продолжение следует.)

Николай СЛАДКОВ

Рис. Ю. Бочкарёва

ПОД СНЕГОМ

Выпал снег, укрыл землю.

Обрадовалась разная мелюзга, что никто их теперь под снегом не найдёт.

Одна зверюшка даже расхвасталась:

— Угадайте, кто я? По виду мышь, а не мышь. Ростом с крысу, а не крыса. Живу в лесу, а называюсь Полёвкой. Я — водяная полёвка, а попросту — водяная крыса. И хоть и водяная, а сижу не в воде, а под снегом. Потому что зимой и вода вся замёрзла. Не одна я сейчас под снегом сижу, многие на зиму стали подснежниками. Дождались беззаботных деньков. Вот прибегу сейчас в свою кладовую, выберу самую большую картофелину...

Тут сверху сквозь снег как чёрный клювище ткнётся — спереди, сзади, сбоку!

Прикусила Полёвка язык, съжилась и глаза зажмурила.

Это Ворон услышал Полёвку и начал тыкать клювище в снег.

Походил сверху Ворон, потыкал носом, послушал:

— Послышалось, что ли? — буркнул.

И улетел.

Полёвка перевела дух, прошептала сама себе:

— Ворон по голосу меня нашёл, сквозь снег услышал, чуть не спал. Надо язык держать за зубами.

Только Полёвка по ходу дальше тронулась, а сверху сквозь снег ли-

сы лапы: так и сучат, так и скребут рядом — снег расшвыривают! Вот уж комья земли летят, вот уж и лисий нос в спину дует и фыркает:

— Уф, как славно мышатиной пахнет!

Кинулась Полёвка по ходу назад — со всех своих коротеньких ног. Еле спаслась. Отдышалась и думает: «Молчать буду — Ворон меня не найдёт. А как быть с Лисой? Может, в трухе травяной выкататься, чтоб дух мышиный отбить? Так и сделаю. И заживу спокойно, никто меня не найдёт».

А из отнорка — Ласка!

— Нашла я тебя, — говорит. Ласково так говорит, а глаза у самой

зелёными искорками стреляют. И зубки беленькие блестят. — Нашла я тебя, Полёвка!

Полёвка в нору — Ласка за ней. Полёвка на снег — и Ласка на снег. Полёвка под снег — и Ласка под снег.

Еле-еле удрала.

Только к вечеру — не дыша! — прокралась Полёвка в свою кладовую и там — с оглядкой, прислушиваясь и пригнувшись! — картофелину с краешка позубрила. И тому была рада.

И больше не хвастала, что жизнь у неё под снегом беззаботная.

И под снегом ухо остро держи, и там тебя слышат и чуют!

**ИСКОРКЕ
ПИШУТ —**

НАПЕЧАТАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Такое в «Искорке» случилось впервые — своими публикациями журнал опередил ответы на письма.

Не удивляйтесь. Дело в том, что в почте Искоркиной анкеты было много просьб и пожеланий, и две из них журнал уже выполнил в первом номере — начал печатать новую повесть Николая Андреевича Внукова «Голубое стекло» (а имя этого писателя не раз называли читатели, говоря об авторах, с которыми хотели бы встретиться на страницах «Искорки»). И вторая просьба — начать в новом году новое путешествие. Мы так и сделали. Дороги наших поисков пролегли в очень серьезную и очень важную сегодня науку — ЭКОНОМИКУ. Без знаний экономики не могут обойтись сегодня ни рабочий, ни мастер, ни инженер. И тебе она тоже необходима, потому что ты тоже участвуешь в жизни государства и дела делаешь государственные.

Конечно, мы постараемся учесть и остальные ваши пожелания — снарядить «поисковые группы» в археологию, физику, филологию, биологию... Это — заманчивые предложения. Но не стоит забывать, что подготовка к экспедиции и её снаряжение — дело не менее серьезное, чем сам маршрут. Так что редакции необходимо время на подготовку.

Ну, а теперь — за дело. За разборку писем.

ЧИТАТЕЛЬ, КТО ТЫ!

Мы уже писали в прошлый раз, что получаем в редакции письма от людей разных возрастов. Искоркина анкета подтвердила, что читают нас «и стар, и млад». Если самые «юные» анкеты прислали «Искорке» третьеклассники, то самые «пожилые»... их бабушки. Вот, например, какое письмо пришло от семьи Чулковых-Лазаревых.

«В нашей семье, — пишут они, — читают «Искорку» три поколения: школьница 4-го класса, её родители и бабушка. Письмо поручено написать бабушке — по старшинству. «Искорку» выписываем с 1964 года. У каждого — свои любимые разделы: у Оли — фантастика, сказки... По очеркам об истории города устраиваем вечера вопросов и ответов дома и в школе...»

Семейно читают журнал и в доме Юсуповых, а многие ребята не расстаются с ним и после окончания школы. Как Светлана Теленюк, например. Она учится в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. Герцена и считает, что «Искорка» поможет ей и в дальнейшей работе.

А самые активные наши читатели — пятиклассники, шестиклассники, семиклассники. От них и ответов на анкету пришло больше всех. Причём интересно, что только один наш читатель написал, что «читает журнал один и ни с кем его не обсуждает», — все остальные читают-то, конечно, сами, без посторонней помощи, но вот без обсуждения понравившихся материалов не обходятся. Это нам очень важно и приятно было узнать. Значит, за-

девают наши рассказы, очерки, повести «за живое», заставляют думать, спорить, спрашивать, искать...

Выяснилось из анкет, и как вы подписываетесь на журнал. Обычно читатель проходит такой путь: сначала около года покупает «Искорку» в киоске, потом — подписывается. Год, два, три... Столько лет, кстати, читает «Искорку» большинство ответивших на анкету. Есть, правда, и рекордсмены: семья Чулковых-Лазаревых подписывается на «Искорку» уже... двадцать лет! Есть подписчики с четырнадцати-, двенадцати-, десятилетним стажем. Каждый раз, когда, открывая письмо, мы встречали фразу: «Сначала я покупал «Искорку» в киоске, а потом подписался...» или «Сначала мне «Искорку» читала мама, а потом я сама...», — очень радовались и потом ещё внимательнее изучали ваши литературные вкусы. От этого ведь зависит и то, сколько ещё лет будешь читать наш журнал ты! Есть и ещё одно очень ценное замечание: все анкеты, присланные в редакцию, были подписаны полным именем и фамилией. Спасибо! Значит, наши читатели доверяют журналу, не стесняются задавать ему вопросы, называть себя. Это для «Искорки» большая радость и большая честь.

Я ЧИТАЮ, МЫ ЧИТАЕМ

Итак, кому что нравится? Кто что советует? Кто что хочет читать?

Выяснились одна вещь странная, а одна — закономерная.

Естественно, что вы все хотите видеть на наших страницах смешные рассказы, юмористические зарисовки, шаржи. Именно поэтому в «Искорке» поселился «Кактус» — Клуб «Как ты уме-

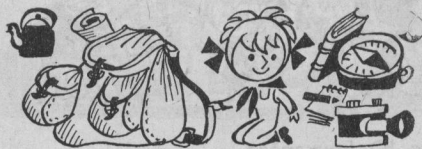
ешь смеяться?». А так как наш КАКТУС — растение говорящее, то он просил передать вам вот такую записку:

«РЕБЯТА! Присылайте мне письма, смешные случаи из своей жизни и жизни своих друзей. Они необходимы мне для успешного роста. КАКТУС!»

Примите, пожалуйста, это послание к сведению!

А странная вещь выяснилась вот такая — вы зачастую хотите прочитать произведения, которые... уже читали: «Трёх мушкетёров», например, или «Борьбу миров». Или Алексея Толстого, или Александра Беляева. Это как же так получается? Ведь «Три мушкетёра» или «Человек-амфибия» — книги, которые выходили тысячными тиражами и много раз. При чём же тут журнал? Журнал печатает только новые произведения. Обязательно новые, которые никто нигде ещё не читал. И вы их на наших страницах читаете первыми. К этому обязывает нас наша «редакционная честь мундира».

Не согласились мы, к сожалению, и с пожеланием одной нашей верной и заслуженной читательницы (у неё в семье «Искорку» тоже читает три поколения!) — меньше печатать фантастики и сказок. Но ведь именно потому, что наряду с очень серьёзными материалами есть в журнале и поэзия, и сказки, и фантастика, нас могут читать и внуки, и бабушки, и разные, совсем разные ребята. Сокращать тот или иной жанр в журнале, значит, те-

рять читателей, терять самое для нас ценное — читательский интерес.

Вряд ли мы будем также помещать в каждом номере рубрики «Самое-самое», «Знаешь ли ты, что...». Не сможем удовлетворить и тех, кто просит открыть специальный раздел для переписки с ребятами из других стран.

А вот рубрику «Рукодельница», которую предлагает добрая половина ответивших на анкету, заведем обязательно. Обязательно сделаем специальный номер, посвящённый 40-летию Победы, и номер, в котором расскажем о фестивале молодежи в Москве. Обязательно будем печатать рассказы из школьной и пионерской жизни. Обязательно вспомним о писателях, которые начинали советскую детскую литературу, и не только расскажем о них, но может быть, найдём в их архивах то, что ещё не печаталось.

Не забудем ответить и на конкретные вопросы, которые вас интересуют. Как выращивать фиалки, например? Или как делать оловянных солдатиков? Что такое керамика? Расскажем про то, как работает библиотекарь, машинист, лесник...

Но на всё это нужно время. Уже очень много вы нам надавали дел... И мы будем стараться, а вы нам — мы теперь уверены — в этом поможете.

Так что наша переписка продолжается. Пишите нам. «Искорка» с удовольствием будет вам отвечать. Не забывайте, наш адрес прежний: 191023, Ленинград, Фонтанка, 59, комната 444, «Искорке».

Рис. Ю. Бочкарёва

Дмитрий ТОЛСТОБА

Солдатские будни

(Из писем младшему брату)

СНАРЯЖЕНИЕ СОЛДАТА

На одном боку —
лопатка,
на другом —
противогаз.
Грудь охватывает скатка
ловко, плотно —
в самый раз.
Разместились за плечами
карабин и вещмешок.
К вещмешку
двумя ремнями
пригнан легкий
котелок.

Вот и всё, пожалуй, брат,
что в поход берёт солдат.
На ученьях,
на войне
всё,

что нужно мне —
на мне.

ЗАРЯДКА

Как под утро спится сладко!
Но — команда:
— На зар-рядку! —
Это дома еле-еле
поднимаешься с постели,
а в казарме с койки скок —
и скорее за порог!

Лево́й-право́й,
 За бето́нку, лево́й-право́й!
 за кана́ву
 на лужайку круглый год
 по утрам выходит взвод!

Там всегда с макушки клёна
нас приветствует ворона.
Каркнет важно и сурово:
— Эй, р-ребята!
Будь здоров-ровы! —
и, махнув крылом:
пока! —
улетает в облака!

В КАРАУЛЕ

В карауле, Сашка, ночью
поначалу страшно очень.
Тихо,
пусто —
ни души!
Стой,
замри

и не дыши!
Всё-то чудится —
из лесу
тени сгорбленные лезут!
Подкрадутся по траве,
ка-ак дадут по голове!
Но подхватываешь ловко
карабин наизготовку,
позвончей затвором щёлк! —
и... не страшен серый волк!
И шагают твёрже ноги
по тропинке от дороги.
Тени, спрятавши хвосты,

уползают спать в кусты!
Дома ты уснул бы тоже —
часовой уснуть не может.
Наш устав
и строг и прост —
не бросать до смены
пост!
А под утро, непременно,
в нужный час
прибудет смена.

ЧТО ТАКОЕ ПОСТ?

Поле за мостом
может быть постом.

Тот же самый мост —
настоящий пост.

Башня,
магазин,
даже склад корзин —
разные места
годны для поста.

Ну, а самый главный пост —
у Кремлёвских звёзд!

Рис. В. Лужина

Фантастический рассказ

Очень долгие, бесконечно долгие годы пронизывал земной звездолёт однообразную черноту Космоса. Пространство давно уже перестало существовать для людей реально, оставалось только Время — ленивое и могучее, то взрывающееся, то сжимающееся, всепоглощающее Время...

— Впереди по курсу шаровое скопление... — равнодушно процедил Астронавигатор. — Ничего особенного. Вероятность Разума — ноль. — И щелкнул тумблером бортового компьютера.

Разведку делать не предполагалось. Астронавигатор поудобнее устроился в кресле перед пультом и зевнул — предстояла смена вахты.

... — К нам кто-то стучит... — неуверенным голосом проговорил Врач. — Стучит коротко, но настойчиво.

— Попроси войти... — серьезно посоветовал Капитан. — Сразу избавишься от галлюцинаций.

И тут стук послышался снова.

Купол обзора в звездолёте при небольшом воображении можно было представить себе окном, обращённым в ночной сад. Тогда создавалось почти полное впечатление яблочной сентябрьской ночи, с прохладным мерцанием звёзд над садом, когда вдруг в окно деревенского дома, словно бы просясь в уют и тепло, стукнет робким клювиком зяблик или синичка...

Все находящиеся в рубке покосились на боковую часть купола. К огромному прозрачному иллюминатору снаружи прилипло что-то крохотное. Астронавты, отталкивая

друг друга, бросились к этому месту. В свете огней рубки было видно, что к стеклу — это в полном-то вакууме! — присосалось небольшое существо, очень похожее на птицу, но с золотистой рыбьей головой и не с птичьим острым клювом, а с мягким округлым рыбьим ртом...

— Сейчас вот ка-а-ак аннигилируем! — шёпотом сказал Астронавигатор. — Кто пустил сюда эту птичко-рыбу?

— Это — рыбко-птичка... — таким же шёпотом поправил его Врач. — Нормальный коллективный психоз...

Существо за стеклом весело помахало астронавтам пушистым белым хвостиком.

— Белка песенки поёт да орешки всё грызёт... — промышал ни к селу ни к городу так и не успевший принять вахту Второй Штурман.

Стук повторился.

— Да чем же она стучит?! — в отчаянии закричал Врач. — Ведь она же мягкая, как детская игрушка!

Все отпрянули от иллюминатора. Самым невероятным было именно то, что это странное создание, эта космическая, как её там — рыбко-птичка, птичко-белка? — не двигала ни крылышком, ни лапкой, а стук слышался всё явственней.

Капитан поморщился и решительно поковырял пальцем в ухе. Потом с сожалением посмотрел на собственный палец, перевёл взгляд на экипаж и вздохнул.

— Ну, хватит! — сказал он. — Хочется войти? Пусть войдёт...

Все со страхом посмотрели на него, но возразить были не в силах. И когда чёткий, как старорежимная

корабельная морзянка, стук раздался вновь, Капитан откашлялся и, заранее томясь от последствий розыгрыша в межгалактическом масштабе, хрипло разрешил:

— Войдите!

...Стекло сектора обзора напоминало прозрачностью чистую родниковую воду. Но твёрдостью своей этот огромный цельнолитой кристалл с перестроенной уплотнённой атомной решёткой значительно превосходил алмаз. Разрушить, расплавить или пробить его в Космосе не могли ни механизмы, ни организмы. Во всяком случае, не должны были бы...

Но птичко-рыбко-белка, или что там из них вместе, словно бы и впрямь уловив разрешение, взмахнула крылышками, округлила рот и медленно, словно бы и вправду через прозрачную ключевую водичку, вплыла сквозь полуметровую толщу иллюминатора в рубку и повисла над командным пультом.

Глаза у Астронавигатора стали безумными, на лбу появились холодные капли пота. Врач посмотрел на него и перехватил руку, которая машинально тянулась к кобуре бластера...

— Добро пожаловать...— с трудом пролепетал Капитан.

Гостя грациозно вильнула хвостом, теперь уже не беличим, а раздвоенным, как у ласточки, подпрыгнула на двух — впрочем, может

быть, и на трёх? — лапках и отвесила несколько поклонов своей серьёзной круглой головой.

Астронавтам почему-то сразу же показалось, что это существо — именно гостя, а не гость...

— Кто вы?

— Не знаю...

— Но вы понимаете наш язык?

— Что такое Язык? — спросила гостя. — Я понимаю вас всех...

— Но вы — представительница Разумной Цивилизации? — всё больше запутывался Капитан в вопросах обязательного Протокола, предписываемого при Kontakтах. — Какого типа ваш Разум?

— Что такое Разум? — полюбопытствовала гостя. — Мы не думаем об этом.

— Кто же вы тогда?! — хором спросили её.

— Мы — Планета Подарков...

— Подарков?! — растерялся Капитан. — Мне уже лет тридцать никто не делал подарков...

— И то если считать по бортовому времени... — уточнил Врач. Потом с угрюмым несогласием мотнул головой: — А зачем нам... эти... подарки?

— Вы можете захватить подарки для ваших детей. У разумных существ должны быть дети, не так ли?

— Сомневаюсь, — буркнул Врач. — Пожалуй, у нас у всех уже давно... очень давно... нет детей... И даже внуков...

Тяжелый всхлип донёсся из чьей-

то перехваченной печалью гортани. Врач не стал уточнять, из чьей. Ах, Время, Время...

— Да, да...— подтвердил Капитан.— Может быть... если мы вернёмся... мы встретимся со своими пра-пра-правнуками...

— Нашими детьми может быть всё будущее человечество...— скромно сказал Третий Штурман. Он ушёл в межзвёздный рейс совсем молодым человеком и не успел обзавестись семьёй.

— Вы можете оказывать покровительство нам!!! — прошептала (или проворковала, кто их там разберёт?) пёстрая гостя.

— Покровительство?! — спросил Астронавигатор, вспомнив, как эта рыбка-птичка свободно протекала сквозь несокрушимую крепость сверхалмазного сплава... — Мы вам — покровительство?

— Ну да... Можете играть с нами, приказывать нам приносить разные предметы с дальних планет...

— Поноска... Это называется — поноска!—вспомнил забытое слово Врач.— Они вроде космических собачек. Друзья человека...

— Не только. Мы умеем воплощать желания в осязаемые образы, менять психику, охранять защитными полями от воздействия враждебной среды...

— И это называется — покровительство?! А что мы должны делать для вас?

— Ничего... Делиться с нами своей пищей, иногда играть и гулять с нами, разговаривать и позволять своим детям таскать на руках наших детёнышей и называть их уменьшительными именами...

— А конуры вам не требуется? — не слишком вежливо брякнул Астронавигатор.

— Мы ищем друзей, а не жильё...— уклончиво сказала существо с Планеты Подарков.

— Пошли, Чебурашка! — вдруг совершенно непоследовательно сказал Капитан, и рука его сама собой потянулась и погладила сразу же растопырившиеся, как шёрстка, разноцветные пёрышки птичко-рыбки.— Или ты — Шарик? Кажется, у меня найдётся для тебя куриная косточка...

И он направился к себе в каюту. Глаза его сияли счастливым мальчишеским блеском, словно бы он удачно угнал у соседа-голубятника лучших его турманов. Птичко-рыбка или, если угодно, — рыбка-птичка послушно поплыла за ним.

Впрочем, пожалуй, уже не плыла. Она почти перебирала тремя... нет, четырьмя лапами... Она походила уже на мохнатого скотчерьера... или на милого игрушечного медвежонка коалу... на бурундучка... чёрт возьми! Пожалуй, и на Микки-Мауса тоже...

В тоскующем воображении астронавтов теснились реликтовые животные невообразимо далёкой Земли! Они приоткрыли рты от зависти. Да, да, они понимали, что это очень нехорошее, очень некосмическое, нетоварищеское чувство, но ничего не могли с собой поделать! Они с завистью провожали взглядами маленькое церемониальное шествие...

— Подарок...— вздохнул Врач. — Ишь ты...

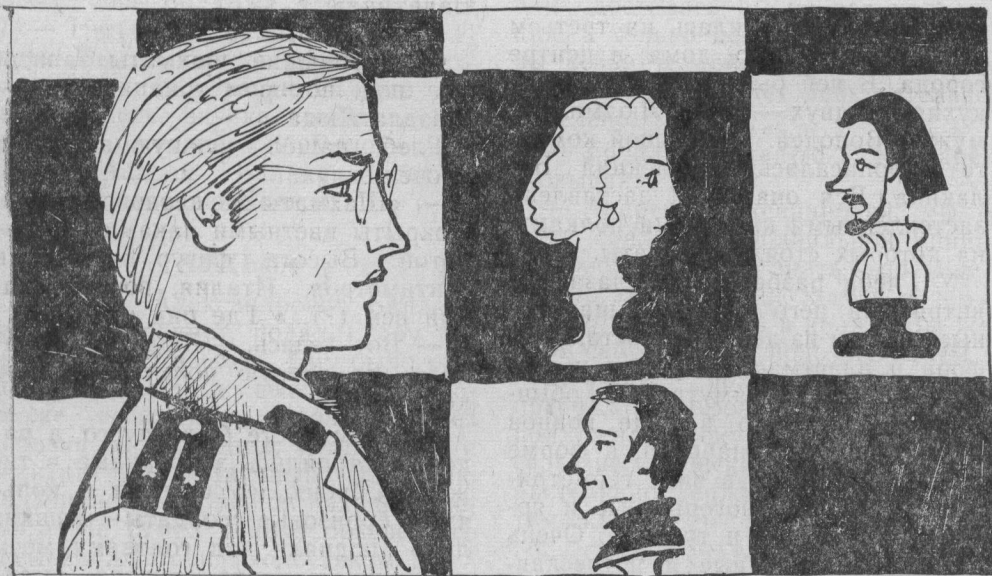
— Интересно, а мышей он ловит, этот подарочек?— словно бы и впрямь в космическое пространство, в сторону сказал Астронавигатор.

— К нам кто-то стучит...— прошептал Третий Штурман...

Постоянные читатели «Искорки», возможно, помнят историю про «Золотой ключик», которую рассказал года два назад подполковник милиции М. Г. Гордеев.

Сегодня — новая история, рассказанная им. Напоминаем, герой рассказа Глеб Горин — следователь, он любит шахматы, шахматы помогают ему предвидеть развитие событий, искать и находить истину.

М. ГОРДЕЕВ

Рис. В. Меньшикова

ТАЙНИК

«ШАХМАТНОЕ» ДЕЛО

Позвонил начальник областного уголовного розыска. Спросил:

— Очень ли занят молодой инспектор Горин? Тут у нас возникло дело, связанное с шахматами, а Горин, как я знаю, шахматист. Пришлите его нам на неделю.

Так инспектор Глеб Горин начал заниматься «шахматным» делом...

С новым делом Горина познакомил инспектор Александр Долгов.

— Читай, что я наработал. — И придвинул Горину папку с бумагами.

Месяц назад умер семидесятипятилетний пенсионер Александр Борисович Балакин. После него осталась большая коллекция шахмат. В квартире, где хранилась коллек-

ция, жили его внука Людмила с мужем Володей, студентом. Позавчера Людмила заявила, что из коллекции пропали редкие и очень дорогие шахматы из слоновой кости с позолотой. Она подозревает их знакомого, Геннадия Басова, так как пропажу обнаружили вскоре после его ухода.

— Я занимался проверкой Басова, — сказал Долгов, когда Горин закончил изучение бумаг. — Шахматы он взять не мог. И вообще, если бы речь шла только о Басове, стоило ли приглашать тебя, знатика шахмат?

— Да, конечно.

— Тогда так: оставим пока Басова в покое, допустим, что он не виновен. Что предпринять в этом случае?

— Я бы хотел осмотреть квартиру,— помолчав, сказал Глеб.

— Это разговор. Поехали.

МУЗЕЙ

Квартира находилась на третьем этаже старинного дома в центре города. В ней было три комнаты и кухня. В двух — жили Людмила с мужем Володей. В большой комнате «прописалась» коллекция Балакина. Вся она была заставлена застеклёнными книжными полками, на которых стояли шахматы.

У Глеба разбежались глаза. Из витрин на него смотрели шахматные фигуры из дерева и кости, фарфора и пластмассы, бронзы и стали, гипса и перламутра. То обычные шахматы, то в виде воинов всех времён и народов, в форме животных и рыб, в виде геометрических фигур. Многоцветные и яркие, одноцветные и тусклые. Очень старые, облупленные и потрескавшиеся, и совсем новые, как будто только что вышедшие из рук мастера.

— Интересно? — спросила Люда, посмотрев на Глеба.

— Поразительно! Это же настоящий музей. Никогда не думал, что шахматные фигуры могут стать произведением искусства. Для меня шахматы всегда были простыми орудиями любимой игры,— ответил Глеб.

— Дедушка говорил, что тут собраны шахматы разных народов: русские, индийские, китайские, корейские, иранские, японские, монгольские, турецкие... Вот эти, серебряные, изготовлены в Англии. А эти сделаны из гильз в окопах... Вот ещё шахматы, которыми дед дорожил очень,— они достались ему от большевика-подпольщика: сделаны в тюрьме из хлеба и клея... Здесь у дедушки был и музей, и его кабинет.

Она подвела Глеба к письменному столу. Многие предметы на этом столе были тоже связаны с шахматами. Подставка для карандашей — шахматная ладья. Абажур на на-

стояльной лампе — голова шахматного коня. Крышки у чернильниц — чёрная и белая пешки.

На столе лежала толстая клеёная тетрадь с надписью на обложке: «Каталог коллекции А. Б. Балакина».

Глеб раскрыл тетрадь.

— Пропавшие шахматы записаны под номером тридцать три,— сказала Люда.

Глеб нашёл нужную запись и прочёл вслух:

— «Шахматы из слоновой кости. Покрываются цветными лаками и позолотой. Высота фигур пять—семь сантиметров. Италия, восемнадцатый век (?)...» Где они стояли?

— Вот здесь.— Людмила показала на вторую полку посередине комнаты.

На этом месте было пусто, а рядом выстроились закованные в тяжёлую броню, со щитами и копьями, бронзовые солдаты — пешки; лихо подняли над головами мечи всадники на конях, сурово высились средневековые башни с бойницами — туры, или, как их положено называть по современным правилам, лады.

У стены стоял небольшой шкафчик. Через стеклянные дверцы на Глеба смотрели знакомые и незнакомые корешки шахматных книг. Рядом со шкафом в стену был вделан старинный изразцовый камин. На его зеленоватой передней стенке были вылеплены тоже шахматные фигуры. А на боковой стенке камин на самом верху Глеб заметил маленькую шахматную доску, набранную из светлых и тёмных зелёных квадратиков,— и на ней тоже виднелись шахматные фигурки.

Стемнело. Людмила включила свет.

— Через окно вор проникнуть не мог,— сказал Долгов, глядя на плотно заделанные на зиму рамы.— И дверь тоже внушительная и запирается хорошо, я проверял,— добавил он, когда они вышли с Гориным на улицу.— Остаются только посетители квартиры.

— То есть всё тот же Басов,— вздохнул Горин.

— Нет, давай включим в список подозреваемых всех: Людмилу, Володю, сына хозяина коллекции Андрея Балакина...

— Разве он тоже здесь живёт?

— Нет, но бывает постоянно. И тоже был накануне пропажи шахмат. Итак, подозреваются пока четверо: Басов, внучка создателя музея Людмила, её муж Володя и её дядя Андрей Балакин,— подвёл итог обсуждению Долгов.

ЧУДЕСА

Андрей Александрович Балакин вошёл в кабинет, подал Глебу повестку и сел на стул. Ему было уже под пятьдесят, но выглядел он моложе своих лет: худощавый, без признаков ожирения, подтянутый и аккуратный. Научный работник, альпинист — на всё он находил время. Не сумел только обзавестись семьёй, жил один, холостяком.

— Что, вы думаете о пропаже шахмат? — спросил его Глеб.

— Какая-то необъяснимая нелепость. Если предположить, что у нас был вор, то почему он взял только эти шахматы?.. Они далеко не самые ценные.

— Это-то как раз легко объяснить. Может быть, потому, что одни шахматы легче вынести... А возможно, чтобы не вызвать сразу подозрений...

— Но как мог попасть вор в квартиру? — горячился Балакин.

— Пока не могу сказать... Может быть, у него был ключ?

— Ключ? Откуда? Ключи только у меня, Люды и Вовки... Что вы так на меня смотрите, как будто я взял эти шахматы?! — вспыхнул Балакин.

— Ну что вы... Хотя, впрочем, не буду скрывать, что обстоятельства дела заставляют подозревать и вас. Вы были в квартире в день пропажи шахмат, и их исчезновение обнаружили вскоре после вашего ухода...

— Ах вот как! Я взял шахматы?! Но зачем? Если уж на то пошло,

то по закону половина имущества отца принадлежит мне. И я, если бы захотел, давно мог бы забрать себе всю коллекцию. Что же, я сам у себя воровал, что ли?

— Не совсем так. При разделе вам досталась бы не вся коллекция, а только половина её. То, что вы возьмёте тайно, будет ваше, а что останется, будет действительно поделено.

— Ерунда какая-то... Ну, арестовывайте меня...

— Андрей Александрович, мы с вами сбились с правильной линии разговора. Я хотел знать выше мнение об этой истории, кого и почему можно подозревать в краже. Вы же сами себя называли подозреваемым...

Разговор, похожий на ссору, прервал телефонный звонок. Глеб приложил трубку к уху и сразу серьёзней. Несколько секунд он растерянно держал её в руке. Потом сказал:

— Сейчас еду, — и положил трубку на рычаги. — Скажите, вы сегодня были у Люды?

— Я только что от неё, а что случилось?

— Тогда поедете туда вместе... Пропали ещё одни шахматы!

В квартиру-музей приехали втроём: Горин, Долгов и Балакин.

— Что происходит? Мне страшно, — сказала Людмила, отворяя им двери.

— Не волнуйтесь. Когда и что пропало? — спросил её Долгов.

— Исчезли серебряные шахматы. Вчера были, стояли вот на этой полке, а сегодня их нет.

— Кто был у вас вчера вечером или сегодня?

— Не было никого из чужих.

— Я был... Но не помню, видел эти шахматы или нет, — сказал Балакин.

— Вы же свой. Я сказала, что не было чужих.

— Вы приходили с какой-то целью или просто так? — спросил Долгов.

— Я мог прийти и просто так... Но в этот раз была цель. Готовил лекцию о Тургеневе и искал в биб-

лиотеке отца книги о шахматных увлечениях Ивана Сергеевича. Тургенев был среди писателей одним из сильнейших шахматистов.

Ещё раз осмотрели всю квартиру.

Глеб даже потрогал лепные фигуры на камине, а Долгов заглянул в дверцу камина. Но камином давным-давно никто не пользовался.

— Больше ничего не пропало? — спросил Глеб.

— Нет, кажется, всё остальное на месте, — ответила Люда, а Балакин добавил:

— Пока на месте!

— А что вы думаете по этому поводу? — спросил Глеб Володю, молчаливого молодого человека.

— Я... я ничего...

— Да он и коллекцию-то никогда не рассматривал. Шахматы — не его стихия, — насмешливо сказал Балакин.

— А кому она нужна, эта ваша коллекция бирюлек?! — неожиданно разозлился Володя. — Давно её загнать надо было... Такие деньги предлагали!

— Но это же память о дедушке, — грустно сказала Люда.

— Бирюльки?! — разозлился Андрей Александрович.

— Вам хорошо. Вы живёте как сыр в масле, а мы на стипендию мучаемся.

— Замолчи! — Люда встала и, еле сдерживая слёзы, вышла из комнаты.

— Итак, — подвёл итоги Глеб, когда они возвращались с Долговым в управление, — шахматы пропали в то время, когда в квартире кто-то был.

— Чудеса какие-то... — согласился Долгов.

СОН

Домой Горин добрался поздно и заснул как убитый. Потом пришли сны.

Снился ему король в шахматном плаще и с лицом Андрея Балакина. Он размахивал шпагой и наступал на Глеба, приговаривая:

«Шахматы созданы для разгадывания тайн, думай!» Потом король пропал. Появился рыцарь. Он вёл за руку даму в чёрном платье. Рыцарь и дама сели за шахматный столик возле огня, пылавшего за решёткой зелёного камина. И тут Глеб узнал их. Это были Володя и Люда. На столике перед ними стояли шахматные фигуры, но они к шахматам не прикасались. Люда плакала, а рыцарь её ругал. Глеб пытался понять, что за позиция шахматных фигур стояла перед ними и почему она кажется ему знакомой... И почему они не делают ходов?.. Вдруг к столику подошёл кот в сапогах и начал швырять фигурки в топку камина...

И Глеб проснулся.

Он начал вспоминать. Ему показалось, что во сне он видел какую-то знакомую шахматную позицию. И вдруг пришло в голову, что это — та же позиция, что изображена на передней стенке камина в квартире коллекционера Балакина. «Очевидно, там не случайный набор фигур, а какая-то задача, — подумал Глеб. — Если так, то... Впрочем, сначала надо эту задачу вспомнить».

Глеб долго мучился, пока ему удалось восстановить по памяти расположение фигур, вылепленных на зелёном камине. Помогла память, которая у людей, много и серьёзно занимающихся шахматами, сильно развита. Прошло ещё немало времени, пока Глеб наконец разобрался, что на камине был вылеплен прекрасный этюд. И решение этюда было великолепным: белые жертвуют сперва ферзя, потом слона и последней оставшейся «в живых» фигурой — конём — объявляют чёрному королю мат! «Какая красота! Спёртый мат, вот это да!» — говорил Глеб сам с собой...

И тут вспомнил: на маленькой доске боковой стенки камина была изображена финальная позиция этюда. Там оставалось только сделать последний ход — конём! «Может иметь этот этюд отношение к

«краже шахмат или нет, — размышлял Глеб, — я не знаю. Но что-то тут есть».

ТАЙНИК

Долгов был мрачен: не только не нашли преступника, но ещё и вторую кражу проворонили. И кто знает, не раздастся ли сегодня или завтра звонок и не сообщат ли о новой пропаже.

— Пожалуй, Басова теперь можно полностью исключить, — сказал Долгов, меряя шагами кабинет. — Но Андрей Балакин мне не нравится.

— Нравится или не нравится, это не разговор. Мне, например, Володя не нравится, — возразил Горин.

— Конечно, для тебя Балакин — прежде всего шахматист, а как это у шахматистов говорится: «Все мы заодно»?

— Не так. Есть девиз Всемирной шахматной федерации: «Все мы — одна семья!». Но дело сейчас в другом. У меня есть идея. Надо опять туда ехать, и хорошо бы собрать их всех вместе.

— Сейчас позвоню, — сказал Долгов.

К удовольствию Горина, в квар-

тире оказались все: Люда, Володя и Андрей Балакин — «дядя Андрей», как его называла Люда. Похоже, что они и сегодня, в воскресенье, обсуждали семейные проблемы. Прошли в комнату-музей, уселись за круглый стол, стоящий посередине комнаты. В центре стола высилась статуэтка богини шахмат Каиссы.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал Горин. — Первый: когда Александр Борисович, создатель такого прекрасного музея, поселился в этой квартире?

— Он жил здесь всю жизнь. Я тут вырос и помню ещё своего деду, то есть его отца. Дед тоже увлекался шахматами, и многие книги, картины и шахматы достались отцу от дедушки. Так что в этой квартире мы живём ещё с прошлого века, — ответил Балакин.

— Спасибо. И второй вопрос: все ли жильцы квартиры играют в шахматы?

— У меня в прошлом первый разряд. И Людмилу дед обучил игре, она играет как неплохой любитель... Володя, насколько я знаю, предпочитает другие занятия.

Людмила беспокойно посмотрела сперва на мужа, потом на дядю, но промолчала.

И тут Горин в наступившей тишине придвинул стул к камину, поставил на него принесённую из кухни табуретку и влез на это сооружение. Оглянувшись, он отметил удивление на лице Долгова, растерянность дяди Андрея, напряжение в фигурах молодых супругов.

Глеб, держась левой рукой за стенку, правой взялся за белого коня, казавшегося снизу неподвижной частью камина. Плавной вращая коня, Глеб вытащил его из гнезда. Затем аккуратно вставил его в гнездо другой клетки и громко сказал:

— Мат!

В тот же миг раздался приятный звон и шахматная доска, казавшаяся стенкой камина, откинулась вниз. Глазам Глеба открылось тёмное квадратное отверстие. Он засунул туда руку и вытащил небольшую серебряную шахматную доску. За доской последовала простая картонная коробка. Доску и коробку Глеб передал подскочившему Долгову.

Затем в руках Глеба появилась чёрная шкатулка. Он осторожно прижал её к себе и прыгнул на пол. Раскрыв шкатулку, Глеб даже зажмурился, так ярко заиграло и засверкало красное, жёлтое, зелёное — лакировка и позолота на изящных фигурах воинов, их щитах и шпагах.

— Ну вот и всё. Обе ваши «потеряшки» — здесь. Остаётся только узнать, кто же до меня решил старинный шахматный этюд.

Все как-то непроизвольно посмотрели на Володю.

— Это я, я во всём виновата! — вдруг зарыдала Люда. — Я показала ему дедушкин секрет! — Она обхватила голову руками и заплакала.

— Замолчи! Да, да, я спрятал шахматы. Хотел их продать и жалую, что не успел. Очень жалею! «Коллекция!! Произведения искусства!!» Всё это красивые слова. А на деле они нам не нужны. Пусть их собирают те, у кого много монет в карманах!

— А ты что же, голодаешь? — вскричал Андрей Александрович.

— Не те теперь времена! Сейчас никто не голодает, но я хочу хорошо одеваться, а не ходить в этом старье. Сегодня хочу, а не через десять или двадцать лет!

Наступила тишина. Все молчали. Балакин стучал пальцами по столу. Люда закрыла лицо платком.

— Что ж, придётся нам поехать к следователю, записать показания, — нарушил молчание Долгов, подходя к Володе.

Володя молча оделся и вышел из квартиры вместе с Долговым.

— Что теперь Вовке будет? — спросила Люда, провожая Глеба до двери. — Жалко его...

— Думаю, что если он всё поймёт, то хватит с него и вашего с дядей осуждения... А вообще, научите его шахматам и покажите, какие удивительные красоты открываются человеку, влюблённому в шахматы. Тогда и к коллекции он отнесётся иначе. В вашем доме все члены семьи должны любить шахматы.

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ (шестьдесят второе)
Ведёт почётный председатель клуба
В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Почтовый ящик клуба просто ломится от ваших писем, и в каждом — серьёзные вопросы, посвящённые самым разным проблемам коллекционирования.

И это очень хорошо.

Но иногда ваши вопросы ставят в тупик. Как, например, без специальной подготовки ответить на такой: «У меня есть серебряный рубль 1896 года и пятирублевый кредитный билет 1909 года. Как соотносились между собой вышеуказанный рубль и нижеприведённый кредитный билет?»

Для ответа на этот вопрос придётся идти за консультацией в Госбанк СССР.

А сегодня отвечаем на шесть ваших писем.

Шесть вопросов — шесть ответов

ВОПРОС ПЕРВЫЙ

«Очень прошу рассказать о первых монетах Советского государства. Саша Борисов, г. Волхов».

Сейчас в это трудно поверить, но в начале 1918 года, в связи с так называемым «монетным голодом», у нас в стране возродилась на короткое время малопочётная профессия подпольного менялы. А между менялой и спекулянтом иногда можно спокойно поставить знак равенства.

Дело в том, что в денежном хозяйстве страны царил хаос. В обращении находились царские деньги, деньги Временного правительства, различные местные выпуски денег, денежные суррогаты (облигации, почтовые и гербовые марки и так далее).

Не было только бумажных и металлических денег молодого государства Советов.

Попытка навести порядок в финансах была предпринята в 1919 году.

В марте 1919 года были выпущены первые советские бумажные деньги достоинством 1, 2 и 3 рубля.

Как и положено, на них был изображён Государственный герб РСФСР, сделаны другие необходимые надписи, но... отсутствовал год выпуска и обязательный для каждого дензнака номер (то ли об этом забыли, то ли просто не учли).

И хотя выглядели знаки скромно (размер их, кстати, едва превышал размер спичечной этикетки), дело своё они сделали.

Первые советские металлические (серебряные и мед-

ные) монеты появились только в 1924 году.

Столь значительный разрыв во времени объясняется тем, что наладить чеканку металлической монеты было много сложнее.

Заказ на выпуск металлических денег поступил на Петроградский Монетный двор ещё в 1921 году, но технические возможности Монетного двора практически равнялись нулю.

Ещё в 1917-м часть оборудования была эвакуирована в глубь страны и там где-то затерялась.

То, что оставалось на Монетном дворе, требовало неотложного капитального ремонта.

Не было специальной высококачественной стали для штемпелей, необходимого инструмента, и так далее.

И хотя со многими трудностями в конце концов удалось справиться и Монетный двор осенью 1921-го приступил к чеканке, работа продвигалась чрезвычайно медленно, и к январю 1924-го стало ясно, что ответ-

ственный заказ к сроку выполнен не будет.

А тем временем намечалась важнейшая денежная реформа.

И тогда было решено оставить за Монетным двором только чеканку серебряной монеты достоинством 10, 15, 20, 50 копеек и 1 рубль, а выпуск меди передать другим исполнителям — петроградскому телефонному заводу «Красная заря» и английской фирме «Империал Кэмикл Индастрис» (она чеканила пятаки). Кроме того, часть тиража серебряных полтинников поручили другой английской фирме — Бирмингемскому Монетному двору.

Объединёнными усилиями заказ к сроку был выполнен, и 27 февраля 1924 года металлические деньги поступили в обращение.

Теперь, когда вы посмотрите на сопроводительные рисунки, вам станет ясно, почему на монетах, поступивших в обращение только в 1924 году, стоят даты «1921», «1922», «1923»...

Готовые монеты постепенно скапливались на Монетном дворе и терпеливо ждали своего часа.

ВОПРОС ВТОРОЙ

«Когда и где впервые стали печатать на конвертах марки? Миша Володин, г. Ленинград».

В 1823 году (то есть за семнадцать лет до появления первой почтовой марки) некий шведский лейтенант по фамилии Треффенберг предложил ввести для писем специальный конверт с напечатанной на нём маркой.

Предложение было отклонено шведской почтой как «нелепое».

Идея маркированного конверта была осуществлена в Англии в 1840 году.

В России такой конверт появился в 1845 году.

Первые отечественные маркированные конверты являются сегодня большой редкостью. Встретить их можно только в немногих крупных коллекциях.

ВОПРОС ТРЕТИЙ

«В прошлом году я выменял для коллекции старую немецкую марку. На ней стоит цифровая надпечатка. Что означает надпечатка, и в каком году марка была выпущена? Кирилл Евдокимов, г. Ленинград».

Эта марка с надпечаткой была выпущена в 1923 году.

Предыстория её такова.

После первой мировой войны (1914—1918) хозяйственный механизм многих государств (в том числе и Германии) был нарушен. Катастрофически обесценились бумажные деньги. Соответственно стремительно возрастали стоимость промышленных товаров, квартирная плата, цены на продукты питания, транспорт и так далее. Не остались на довоенном уровне и почтовые услуги.

Если до войны отправитель платил за письмо, условно говоря, несколько копеек, а за посылку или бандероль несколько рублей, то теперь должен был выкладывать за те же услуги суммы поистине астрономические — тысячи и даже миллионы и миллиарды!..

К тому же, цены менялись чуть ли не ежедневно. Приноровиться к ним, даже выпуская каждодневно новые почтовые марки новых номиналов, было невозможно. Поэтому и было решено: на неизрасходованной части тиража марок прежних выпусков делать надпечатки — применительно к сегодняшним требованиям почты.

Так на марке номиналом «1000»

появлялась надпечатка «75 ТЫСЯЧ». Это значит, что стоимость данного вида почтовых услуг выросла в семьдесят пять раз...

Марка, о которой мы рассказываем, не единственная в своём роде. В том же 1923 году ещё на сорока восьми различных почтовых миниатюрах Германии были сделаны разные цифровые надпечатки, изменившие прежний номинал.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ

«Я собираю советские новогодние открытки. Когда появилась первая такая открытка в нашей стране? Костя Лепский, г. Ленинград».

С исчерпывающей полнотой ответить на этот вопрос довольно сложно. Считается, что первыми новогодними открытками в нашей стране стала серия из пяти почтовых карточек, выпущенных в 1902 году по рисункам художника Ф. Г. Беренштама.

Но вполне возможно, со временем могут обнаружиться и более ранние выпуски. Ведь обычай поздравлять друг друга с Новым годом существует очень давно...

После революции первая новогодняя открытка появилась в 1929 году. Автором её был художник П. М. Шухмин.

Но и в этом случае трудно утверждать, что данная открытка была самой первой...

ВОПРОС ПЯТЫЙ

В коллекции Коли Шалова (г. Кировск, Ленинградская область) есть пятикопеечная монета 1764 года.

В коллекции Саши Котова (г. Ленинград) монета такого же достоинства 1772 года.

Оба собирателя спрашивают, что обозначает вензель Е II и буквы ЕМ под гербом.

Вензель Е II означает — императрица Екатерина II, буквы ЕМ — Екатеринбургская монета (то есть

обе монеты были отчеканены в годы правления императрицы Екатерины II на Екатеринбургском Монетном дворе — ныне город Свердловск).

«Ценные ли это монеты?» Вероятно, под словом «ценность» ребята подразумевают редкость.

Пятикопеечные монеты этих лет встречаются часто. Но это вовсе не означает, что относиться к ним можно без должного уважения.

На каждой стадии собирательства понятия редкости и, соответственно, ценности неоднократно меняются: то, что сегодня является предметом гордости вашей коллекции, через год может стать рядовым экспонатом — в собрании появятся новые, более редкие монеты.

Последнее замечание справедливо не только для коллекций нумизматических, но и любых других.

Такова логика коллекционирования.

ВОПРОС ШЕСТОЙ

«Я собираю марки по теме «Футбол». Когда появилась первая «футбольная» марка?»

Футбольную тему открыли три марки Уругвая, выпущенные в 1924 году и посвящённые победе уругвайской сборной на Олимпийских играх в Париже.

«И ещё вопрос. У нас в Бокситогорске очень редко появляются марки по моей теме. Где их можно приобрести? Алексей Розанцев, г. Бокситогорск.»

На этот вопрос отвечает старший инструктор Ленинградского областного отделения ВОФ М. А. Гринберг:

— В Ленинграде на бульваре Новаторов есть магазин «Марка — почтой». Он как раз выполняет филателистические заказы и ногородних ребят по любой интересующей их теме (но только на марки СССР и стран Социалистического Содружества).

Почтовый адрес магазина: 198216, Ленинград, бульвар Новаторов, 36. Магазин № 3 «Марка — почтой».

*В помощь следопыту,
идущему по тропинке
в лес.*

Филин

Лисица

Заяц

Ястреб-тетеревятник

К фотографиям на 3-й странице обложки: вместо точек поставь зверя или птицу.

Рис. Р. Попова

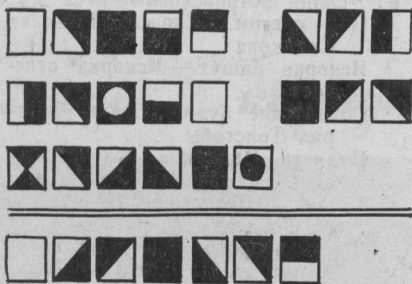
Между теми, кто пришлёт правильные ответы на опубликованные в этом номере головоломки, будет разыгран приз.

Ответы — до 1 мая.

КОНКУРС «ДОРОГАМИ ПОБЕДЫ»

А ВЫ ЧИТАЛИ?

В Великой Отечественной войне участвовали не только взрослые, но и ваши сверстники. Рассказано об их делах и в книге, название которой здесь зашифровано. Каждый значок — буква. А ключом к разгадке может послужить нижняя строчка. Известно, что в ней зашифровано слово «верстак».

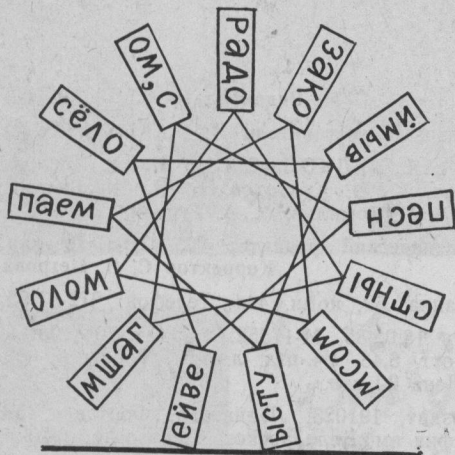

О какой книге идёт речь? Кто её автор? (4 очка)

КРУГОГРАММА

Составила Вера Кронер
(366-я школа)

Прочтите строку из пионерской песни (3 очка).

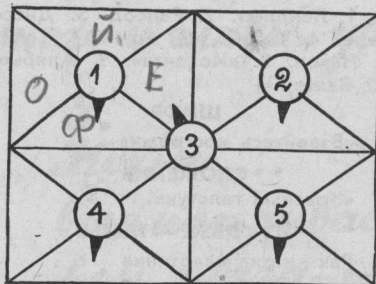
Отдел ведёт Н. А. САДОВЫЙ

МИНИ-КРОССВОРД

Слова в этом цикловом кроссворде читаются по направлению движения часовой стрелки, а начинаются в клетке, отмеченной треугольничком.

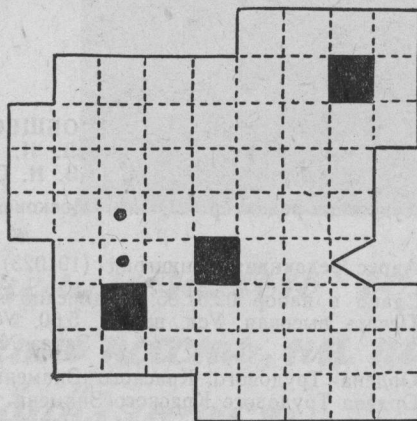
1. Часть театрального зала.
2. Морская мера длины.
3. Музыкальное произведение.
4. Советский писатель.
5. Напиток (3 очка)

СОСТАВЬ СЛОВО

Составил Женя Данилушкин
(153-я школа)

Разрежьте фигуру на шесть букв (высота 5 клеток, ширина 3) и составьте из них название пионерского журнала (5 очков).

РЕБУС

Составила Светлана Головкина
(г. Волхов)

Разгадав ребус, прочтите русскую пословицу (3 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(Ответы к «Искорке» № 12)

ХОДОМ КОНЯ

«Хороша ты, юность комсомольская»

ЧАЙНВОРД «МУЗЫКА»

1. Лендлер. 2. Рапсод. 3. Диссонанс. 4. Сырба. 5. Ашуг. 6. Гайдн. 7. Навои. 8. «Иоланта». 9. Алябьев. 10. Валторна

ШИФР

«Взвейтесь кострами»

СЛОЖЕНИЕ

«Красный галстук»

ИЗ ДВУХ — ТРЕТЬЕ

Рак + нитка = картинка

ЗАГАДКА

Батарея парового отопления.

КТО ПОБЕДИЛ?

Между читателями, приславшими правильные ответы на все головоломки, напечатанные в «Искорке» № 12, был разыгран приз. Он достался ученице 5-6 класса 485-й школы Гале Кутеевой.

Содержание

Ветка у памятника. Зарисовка	
Геorgia Никулина	1
Голубое стекло. Продолжение	
повести Николая Внукова . .	4
Художник. Стихотворение Ахм-	
ета Адия	15
Стихотворения Владимира Алек-	
сеева	16
Флоренция на Эльбе. Очерк	
Юрия Слепухина	17
Дом в снегу. Рассказ А. Доро-	
феева	21
Стихи о зиме Геннадия Морозо-	
ва, Инны Макашовой, Натальи	
Ищук, Владимира Чурносова .	29
Рассказы об экономике. Рассказ	
второй. Тропой пастуха, или	
Самый послушный Продукт.	
Рассказчик В. Ковичев . . .	30
Театр теней. Вечер второй. Руко-	
водит театром Ольга Кустова .	36
Единственный в мире. Очерк Ва-	
силия Островского	40
Под снегом. Сказка Николая	
Сладкова	44
Искорке пишут — Искорка отве-	
чает	46
Солдатские будни. Стихи Дмит-	
рия Толстого	48
Планета Подарков. Фантастиче-	
ский рассказ Льва Кукулина .	50
Тайник. Детективный рассказ	
М. Гордеева	53
Шесть вопросов — шесть ответов	
(Клуб юного коллекционера)	59
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок
Ф. Нелюбина «Хоккеисты»

На 2-й странице обложки репро-
дукции рисунков В. М. Судакова

На 3-й странице обложки «Следо-
пыт, или Тропинка в лес». Фото
Н. Сладкова

На 4-й странице обложки рисунок
Г. Ясинского «Снежная крепость»

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Сулов, А. Н. Томили, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрянская.
Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 02.01.85. Подписано к печати 18.02.85. М-17552. Формат 70×108¹/₁₆.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,67. Тираж 60 000.
Заказ № 775. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Следом, нам Тропинка в лес

1.

Прыгал по снегу....
и от каждого шороха вздрагивал.
Ни днём, ни ночью ему нет покоя!

2.

Днём.... караулит - того и гляди увидит .

3.

Ночью....
выслеживает :
вон глаза - то
какие!

4. А днём и ночью гоняет :
ни досыта поест, ни поспать.
А ещё удивляются,
почему это мы,...., такие худые?
Не до жиру нам, быть бы живу!

